

Игорь Викторович Чубаха
Александр Логачев
Крестовый отец
Серия «Воровской мир», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180429

Александр Логачев, Игорь Чубаха. Шрам и казематный оборотень, или Крестовый отец: Крылов;
Москва; 2004
ISBN 5-94371-737-4

Аннотация

Угодил Серега Шрам по воле нехороших людей в следственный изолятор. Теперь не выйти ему живым на волю, потому что все просчитали его враги, всех купили. Потому что в СИЗО этом живут не в согласии с правильными понятиями, а совсем наоборот – царят здесь такие порядки, что способны ошеломить даже бывалых уркаганов. А ведь Шраму не только выжить охота. Еще следует разобраться, чья темная фигура маячит за ширмой, кто поправ воровской закон...

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Прописка	7
1	7
2	13
3	14
Глава вторая. Перевоспитание	19
1	19
2	23
3	27
Глава третья. Суки	29
1	29
2	31
Глава четвертая. Несознанка	39
1	39
2	42
Глава пятая. Свои	44
1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Логачев, Игорь Чубаха

Крестовый отец

Воровской мир

Часть 2

Тюремный детектив

Генеральный консультант сериала – Таймырская организованная преступная группировка.

Все события и действующие лица в этой книге вымышлены. Любое совпадение с реальными личностями и событиями в природе случайно.

Пролог

Поди отвори дверь втихаря, даже если на замок и петли запуздырить кондейку конопляного масла. Заманеешься пыль глотать. А кабы профурычил этот хитрый фокус, то гостей выдал бы расширяющийся просвет. Если в карцере темно, как у ниггера в кармане, то по коридору – спасибо тусклой хлипкой лампе в металлической оплетке – размазан полумрак. И разница в освещении густо расплзается вместе с увеличивающейся щелью между дверью и косяком.

Да и как не засечь приход гостюшек дорогих, кады не отрываешь зеньки от двери. Когда всю ночь напролет только их родимых, только их сучар поганных и караулишь.

Он ждал гостей сидя на корточках возле противоположной двери стены. Ждал, хотя они визиток вперед себя не засылали. Они вообще хотели накрыть его дрыхнущим без задних ног, козлы. Потому и приперлись в самый смачный сон, часа в четыре утра (если он и ошибается, то на полчаса туда-сюда, не больше).

А, и взаправду, чего б харю не подавить? Шикарный расклад для спанья. Не карцер, а люкс в «Астории». Доведись в нем отсиживать, а не лютой смертушки дожидаться – разве б мы еще чего хотели, Сочи, а не хата. Деревянная шконка, от стены отстегнута, вода по стенам не сочится, не холоднее, чем на улице, ништяк.

Жальче всего, что отобрали курево. Да перец с табачком, перед смертью не накуришься. А отобрали-то не одно курево. Шмон провели показательный, хоть в ментовские учебники срисовывай.

Правда, насчет того, что отобрали все, – это они так думают. Есть и иные серьезные мнения.

Дверь отъехала до середины, замерла. В карцер стали одна за другой просачиваться фигуры, размазываясь кляксами вдоль стен, но от двери далеко не отгребая. Хорошо, падлы, ступают, по-росомашьи мягко. Сколько их? Пять или шесть. Будь он помоложе, не будь тело изношено, измочалено и изломано зонами от Таллинна до Магадана, еще бы посмотрели, чья одолеет. Но легкой поживы вам, сукам, и сейчас не перепадет.

Человек на корточках не шевелился. Рано еще. А те стоят, дают глазам освоиться. Скоро должны прочухать, что шконка пуста. Потом увидят и его.

Что ночка нарисуетя последней, Климу стало понятно еще днем. Пьесу из Шекспира разыграли, как по нотам. Нелепая заводка вонючего шныря, который сработал под пьяный бзик, дескать, мозги от жорева закоротило. Шныря пришлось наказывать самому. А тот орал, будто баба при родах тройни. Вовремя вбежавшие вертухаи, приготовленный карцер, обстоятельный шмон. Обидно лишь за одно – не получится выяснить, кто эту музыку заказал.

Заметили. Двинулись. Слаженно и молча. Похоже, не особо удивившись, что их встречают с распростертыми объятиями и поздравительными телеграммами. Въезжали реально, с кем имеют дело.

Однако больше чем троим ширина хаты подойти к нему за раз не позволит. Клим поднес клешню ко рту, выплюнул в жменю половинку бритвенного лезвия. Распрямился, когда козлам до него оставалось два шага дохилить. Врубаясь, что через мгновение они с шага сорвутся в бросок и навалятся, он метнул себя им навстречу.

Ладонь мазнула по чужой глотке. Без вариантов: зажата между пальцев стальная полоска сделала свое дело, распахнула кожу, как «молния» – ботиночки «Прощай, молодость». Дурик еще не прочухал, еще лезет вперед. Но дурик уже в минусе, пару секунд ему подергаться и боль проволокой опутает горло, а кровянка потечет по шее водой из крана.

Он уклонился от захвата первого нападающего, «поднырнул» под второго, выбросил руку с огрызком бритвы к чужой харе. Но с дрыгалкой у второго оказалось все путем. И

не просто штымп ушел от лезвия, а сумел всадить кулак («да то, мля, гиря, а не кулак, или кастет у него?») в подреберье.

Держать удары Клим умел, приходилось. И хрена бы его завалили одним, хоть и пудовым хуком. Но достали и сзади. Не успел он отскочить, чтобы сберечь себя со спины, не смог развернуться. Возраст пожрал былую ловкость.

По голени въехал носопырь, сбивая на пол. Навалились остальные. Оседлали. Руку с бритвой прижали к бетону в несколько жадных пятерней. И вместе с гостями навалилась память. Вся ломаная соленая житуха букварем пролистнулась перед глазами. Где он был прав, где он был не прав, и как за это отвечал. И горше горького стало, что вот последнее дело не успелось. Самое благородное за жизнь дело – поставить несправедную тюрьму на правильные понятия. Теперь уж не он, теперь уж кто-то помоложе явится и зачеркнет здешнюю несправедливость.

Клим смог подсчитать – их все-таки было пятеро. Ладно хоть одного сумел наказать, как положено.

Больше не били. Ему закатывали рукав. Ах, вот они как надумали, суки! Ширнуть укольчик. Чтоб выглядело, как от натуральных медицинских раскладов. Чтоб никто паленое не учуял и кипеж не поднял. Страхуетесь?

Орать не имело смысла. А они-то какие молчаливые, будто пасти позашивали, или сургучом законопатили! Лишь деловито сопят. Да прощальные хрипы уносимого белыми тапочками вперед порезанного козла вместе с ним самим исчезают в коридоре.

Темные гнусные рожи маячат над головой. Гнилью могильной пыхает из оскаленных слюнявых ртов. И Клим узнал одну из гнид. Спросить, что ль, напоследок, кто тебя, сявка, подписал на подляну? Ведь не скажет. Да и что теперь толку, игла уже пошла...

Глава первая. Прописка

*Эх, ты жизнь бластная, злая жизнь моя,
Словно сто вторая, «мокрая», статья.
Срок не споловинить и не скостить нельзя.
Черви, буби, вини, а для меня «Кресты», я знаю.*

1

За спиной смачно лязгнули засовы. Как из студеного предбанника в раскаленную парную – из лютых коридорных сквозняков в колышущееся потное марево простой «хаты».

Он сделал первый шаг от двери. К повернувшимся в его сторону рожам. Сделал второй шаг по этой выдрючной выставке достижений народного хозяйства...

Сергей двинул курсом на окно, переступая, обходя, протискиваясь, нагибаясь перед развешанным сырым шмотьем. Его, как водится, разглядывали: кто таков, из каких будет, не свиданькались ли где, не слыхали ли про такового от людей, на какую статью тянут, как в хату входит, как держится, чего делать станет?

Сергей добрался до дальней стены. По зарешеченному «телевизору» показывали кусок неба, огрызок воли. На шконках слева и справа на красных местах, вдали от вертухайского глазка, поближе к свежему воздуху парились те, среди которых Шрам мог обнаружить корешков. Мог – он провел взглядом по небритым фасадам и профилям – но ни фи́га похожего. Странно, такая людная хата, и никто его не признал, и он – никого. Не среди мужиков, ясное дело, а на воровской половине.

Справа храпели, слева шелестели «картинками». Резались в бурю. Пришманивало слезгонца анашой. Причем, казахстанской, а не краснодарской. Не патриотично.

– Здорово, люди, – Шрам смотрел на играющих. Смотрел и крепко не нравились они ему. По виду – бакланы, сьвки, дешевка подзаборная. И они хату держат? Не сыскалось никого посерьезней? Куда матушка Россия катится?

– Во, гляди, – здоровый лоб с боксерским хрюкалом, типичный бычок рынка районного значения, шлепнув картой по складывающейся на синем одеяле взятке, поднял на Сергея оловянные глаза. – Впихивают и впихивают. Чтоб мы тут совсем задохлись.

– Сыграть хочешь? – спросил, даже не взглянув на подошедшего, смуглый, с залысиной, рожей смахивающий на молдаванина. – Есть чего поставить?

– Всегда есть чего поставить, – это высказался хмыреныш лет двадцати, с отвислой губой. Этот, судя по дебильной физии, любил по малолетке нюхнуть «Момент» под целофанновым мешком.

Вокруг заржали.

А это совсем зря. С чего они такие борзые? Поздороваться вот по-людски не хотят. Выяснить, кто пожаловал, не желают. А шутики петушинные рискуют шутить. Настолько обкурились? Или в понятиях вовсе не волокут? Волокут, не волокут – не избавляет от ответа. Теперь у Шрама нет проблемы чем себя отвлечь от горьких дум в ближайшие пять минут. А с другой колокольни – ну, какого фи́га ему опять выпадает заяложенный круговорот судьбы хватать очередных пельменей и макать вякающими скважинами в жижеотстойник?

Шрам даже злости не испытывал. Только скуку. Душное это дело. Господи, если ты есть, объяви в России амнистию для дешевок под лозунгом «Тюрьмы – только для белых»!

Сергей наклонился, ухватил вислогубого шутника за футболку с выцветшей надписью «USA» и выдернул его на себя. Голова с короткой и корявой стрижкой (как ножницами

армейского парикмахера обработана) мотнулась на цыплячьей шее, с губы скатилась слюна и понеслась к полу. Босые ноги вывалились в проход. Дохлак в липкой от пота «USA» не врубился в перемены, тупо вращал зенками, приоткрыв лузу. Грабелька его все еще держала карты веером. Хмырениш, когда отмачивал свою гнилую шутку, прощаемую разве в гопнищом парадняке, явно не предполагал такого продолжения банкета.

«Не прибить бы козла насмерть», – рука Сергея не чувствовала серьезного веса. Он развернул вислогубого, взвизгнувшего «Ты чего?!», захватил левой кистью под горло, правую положил на затылок, и опустил засранца губами на придвинутую к стене тумбочку. Полетела на пол пластмассовая кружка, подпрыгнул на газете футляр для очков, сплющилась, накрытая мордой лица, «беломорская» пачка. И еще раз теми же губами об ту же тумбочку. Потом, как помойную куклу, Сергей отбросил губастого на шконку, на ту, что ближе к двери и параше.

Развернулся к следующему под девизом «Будь проще, и к тебе потянутся люди». Ясен хрен, раз чучело в «USA» из ихней кодлы, надо ж заступаться за такое ценное чмо. Господи, умоляю, сбацай амнистию для фуфлыжников, чтоб имя «Вор» снова зазвучало гордо.

С койки сползал крепыш с боксерским носом. Сползал, как жидкое говно по трубе, – неторопливо, степенно, дескать, успею я тебя сделать. Сергей дал ему утвердиться на обросших жиром цирлах. Мог бы и не позволять, оставить сидящим в «боксерской» позе – прижимая руки к животу и скуля. Но тогда бы бычара дешевый еще что-то об себе мнил. Типа, ты меня подловил, а то бы я...

Они стояли друг против друга в проходе между двухъярусными койками. Сергей касался спиной выступающего края тумбочки. Ростом боксер был выше Шрама на голову, шире раза в полтора. И, конечно, сильно надеялся на козырный перевес в килограммах.

– Че, ты крутой очень? – вопрос без запинки покинул кривящийся рот. Видать, его любимый заход на драку, отлетает без натуги, без морщин на лбу.

Вопрос из тех, на которые так и тянет отвечать серьезно и подробно.

– Да, – честно сказал Сергей. – А ты – чмо драное.

Нельзя ж так беспонтово дрыгать плечом, выдавая ударную руку, нельзя ж так откровенно обозначать, когда ты собрался бить. Это тебе не проштрафившихся барыг колошматить, не интеллигентов метелить, не в «ночниках» перед шуплыми студентиками выеживаться. Кича любит победу, и ее не колышит, как победа достанется. Надо ж было попытаться затянуть базар, изобразить дружелюбие, готовность поладить миром, и застать врасплох. Или подозвал бы корешей, толпой оно же легче.

Пропуская кулак гасить пустоту возле тумбочки, Сергей запрыгнул на нижнюю шконку, сжал руками край верхних и зарядил ноги в серых «найках» навстречу квадратной голове. Кроссовочные подошвы вlepились в фасад бритого сверху чердака, но боксер устоял. Ну мозгов-то нет...

Без мига передышки Сергей метнул себя назад, спиной на чье-то одеяло, на чье-то дрыхнущее тело, до того сграбастав боксера за рубаху. Валя мурло за собой.

Подбородок быка чавкнулся о край верхнего яруса, зубы клацнули. А Сергей, перекатившись, вернул себя на исходную, к тумбочке. И с этой позиции провел коронку: носком снизу вверх, по-футбольному, в коленную чашечку. Это тебе не ринг, по которому скачи вольным мячиком, как хочешь. Тут свои примочки, свои апперкоты, стойки и защиты на узкой полосе между горизонталями коек.

Боль сгибает боксера пополам. А теперь сложенными в замок руками сверху по кумполу. И – когда бритая башка поровнялась с нижним ярусом – сбоку ногой в челюсть.

Жалость понимают только бродячие собаки. А таких уродов надо допрессовывать, размазывать, втаптывать сразу и навсегда, давить, как гумозных тараканов. Чтоб и остальные сразу усекли что к чему. Таков закон крытки: начал бить – добивай. Не уверен, что попрешь

до упора, сделай все, чтобы не лезть в месиво, и сиди смирно, кури спокойно в сторонке с мужиками, там тебе место.

Еще бы пару штришков нанести для завершения картины «Поединок благородного витязя с идолищем поганим», да некогда пока. Что собственно и ожидалось, и отслеживалось – в разборку вписывался молдаванин. Сейчас он распрямлялся в проходе между койками. За спиной у Шрама. Но лет десять уже как отвычен Шрам забывать о корешах тех, с кем ввязывается в мордобой. Поэтому с начала схватки пас косяками копошение третьего хмыря из удалой компании. Видел, как рука молдаванина сшастала под матрас. Видел, как молдаванин перебрасывает узкое жилистое тело к краю. Футы-нуты, какие мы, блин, коварные.

Сергей развернулся, делая шаг назад. Руку, выброшенную ему в печень и удлиненную на блестящее, тонкое жало, он перехватил за запястье. И просто сжал.

Не было у Шрама шаолиньских учителей, которые говорили бы ему «Запомни одно, сынок: для волчьей драки насмерть, а не для красочного поединка бабам в потеху, не так важны бугристые мышцы и знание каратешных приемов, как реакция, верткость и железные пальцы». Самостоятельно Шрам допер. Заставь себя отжиматься на пальцах каждый день, даже когда пальцы опухнут. Заставь себя гнуть-разгибать до онемения суставов железные прутья, сначала – тонкие, потом – толще и толще. И после всего этого, тебе всего-то и останется – поймать за руку и сжать.

Об пол стукнулся заточенный натфиль круглого сечения.

– Ой, й-о-о, – молдаванина словно скрючил острый приступ радикулита.

Сергей помог себе другой рукой – на взятой в захват кисти молдаванина отогнул назад и сломал указательный палец, чтоб нечем было в сопатке ковыряться. Чтоб нескоро легла в смуглую ладонь новая заточка. И швырнул любителя острых натфиблей на пытающегося сесть боксера.

Ну, какая падла еще потянет сучить ножками? Кому еще дороги эти веселые уроды, мнящие себя крутым блатяком? Похоже, остальные, чьи взгляды сейчас отовсюду сходились на боевом пятачке, не спешили бросать свое здоровье им на подмогу.

Вот такая вышла простенькая, дешевенькая, фраерская стычка. Куда ей до тех боен, что сшибали мрачных озлобленных людей в лагерях и на пересылках, когда надо было обязательно убивать или, в самом крайнем случае, увечить, иначе захлебнешься кровью сам.

Сергей присел на край шконки, где давеча играли в буру. Дотянулся до брошенной колоды.

Вислогубый фуфел в «USA» свесил ходули со шконки напротив и переводил беспокойный взгляд с коренастого незнакомца, неторопливо тасующего их игральную колоду, на своих копошащихся в слезах и соплях братанов. Хмыреныша колбасила мелкая дрожь.

– Ты, Губа, отныне отвечаешь за парашу, – Шрам попробовал пустить карты стопкой из ладони в ладонь, не вышло, «картинки» были основательно потрепаны, замусолены. – Отселяйся.

– Я не Губа, меня кличут Кузя, – отведя взгляд, обиженно прогундосил сопляк.

– Еще раз закалякаешь со мной, – Шрам цедил веско, спокойно и лениво, – поставлю на полотенце. У тебя, пидер лишний, был шанс поговорить по-людски. Бегом к параше.

При всем, отражаемом хлебалом скудоумии Кузя-Губа дотумкал, что за слова этот вор будет отвечать делом. Поэтому не стал испытывать судьбу Губа, поднялся, не удержав в себе плаксивый стон, и поплелся, куда указали.

– Бегом, я сказал, – произнес, как плюнул в спину, Шрам.

Губа припустил показательной трусцой, получавшейся из-за людской скученности бегом на месте. Губу обогнал пришедший в себя молдаванин. И скоро стало слышно, как последний колотит в обитую железом дверь. Лечиться захотел. Сергея не волновало, что он

там напоят вертухаям: заложит или наплетет, что сломал палец, пытаюсь проковырять подкоп на волю.

Боксер же сидел на полу, прислонившись к прутьям шконки, тряс башкой и утирал кровотокающий шнобель. Одну ладонь он держал горстью – в «лодочке» в отхаркнутом кровавом сгустке белели обломки зуба.

– Обзовись, – потребовал от него Сергей, швыряя надоевшую карточную колоду на прежнее место.

– Шрам! – Отодвинув плечом мужиков, из-за спин выбрался длинный и худой до «шкелетоподобия» человек. На желтом, как старая газета, лице под черными впадинами глаз растягивала впалые щеки редкозубая улыбка.

Сергей прищурился. Что-то знакомое... Потом воскликнул, не скрывая удивления:

– Панас!

Поднялся навстречу. («Игарка, шестой отряд, как раз перед моим рывком Панас строился хлеборезом, ему оставался год с небольшим, в какого ж, однако, он доходягу превратился»). Освобождая старому знакомому проход, брезгливо ткнул боксера носком кроссовки:

– Пшел отсюда! Дальше лампы на эту сторону не рыпаться. Откликаться будешь на Боксера.

От Сергея не ушло, что при возгласе «Шрам!» Боксер вздрогнул – выходит, наслышан бычок. Оно и не мудрено, какой бы ни был тот шестеркой, а среди братвы крутится, базары слушает, имена запоминает. Значит, без лишних дебатов просцыт, как был не прав и что отсюда следует.

Так и есть, без дополнительных же разъяснений Боксер, покачиваясь и придерживая себя за стойки шконок, потащился на новое место. Сергей обменялся с Панасом рукопожатиями.

– Садись, – показал на место рядом с собой. – Давно паришься?

– Да полгода, – Панас был рад встрече и продолжал улыбаться, но улыбка смотрелась на его недужном лице шелковой заплатой на лохмотьях.

– И много вешают?

– Пятерку клеят.

Панас извлек из загвозданных штанов «Беломорканал», засмолил. Шраму почему-то привиделось, как при каждой затяжке расползаются по швам растрескавшиеся, прокопченные легкие этого доходяги, как беломорный дым выдувает из кожи пергаментного цвета последние здоровые клетки.

– Вешают обнос зажиточной хаты, клепают на невинного человека. Сватают, суки, еще десяток эпизодов. Ментам же охота глухари свои позакрывать, на мне погоны заработать, – Панас заговорщицки подмигнул, мол, тебе ли не понять, что так оно и обстоит по правде, есть чем похвастаться. – Ты-то в Питере осел?

– Под городом.

За их беседой искоса наблюдали обитатели камеры, перешептывались, обсуждая происшествие и перемены. Хата задумана на двадцать арестантиков, но корячилось в ней сейчас не меньше полусотни. Бодрствующая смена горбилась на краях шконок возле мослов спящих, на корточках в проходе и у стен. Курили, переговаривались, кто-то муслил глазами газету, кто-то игрался с ниточкой, тренируя незатейливый фокус, кто-то дремал сидя на полу, сложив цапки на коленках и опустив на них череп. Худой мужик в рваной на спине майке, склонившись над ржавым рукомоиником, чистил зубы.

– Я, вишь, в Питер на экскурсию приехал. Дай, думаю, в Эрмитаж чин чинарем схожу, по Невскому пофланирую, а меня хватить и в крытку. По роже срисовали, что ходивший, как не

взять? На ком еще план выполнишь, как не на нашем брате, – Панас таки запыхал в кулак долго и нутужно.

– Ты с мужиками обитаешься? – прервал Сергей эти биографические излияния. – Не должен бы...

Улыбку стерло с лица. Панас, небось, и болтал, чтобы уйти от этой темы. Но не уйдешь...

– Ты, Шрам, гляжу, авторитетный стал, – не спросил, а признал Панас. – И авторитет блюдешь. А я, вишь, подыхаю. Силы нет совсем. Да и вообще, – Панас добил папиросу, отправил окуроч в пустую пачку, что держал в руках заместо пепельницы. – Все равно как-то уже... Погляди на меня. Сюда сел огурцом. Щекастый был, на бульбе отожравшийся. Это я здесь угасать начал, – его вздох опять заполнили хрипы, словно мять руками пакет попкорна. – Нет сил зубами выгрызть свое право.

– А зачем тебе надо его выгрызть? – Шрам расстегнул рукава джинсового куртофана, в камере экватор, придется стягивать с себя лишнее. – Или, интересуясь про то же самое, зачем мне надо было месить этих козлов? Здесь что, по закону не делается? Это кабак или крытка?

– Первый раз в «Угол-шоу» сыграл? Я вот тоже первый, да полгода уж копчусь, – проговорил Панас, неожиданно понизив голос. – Тут свои порядки.

– Какие еще свои? – Шрам с раздражением бросил куртку на одеяло. – В крытках порядочек один.

Панас заговорил почти шепотом:

– Я тоже так думал. Да тут по-своему завернуто. Например, за башли можно не только вселить, но и отселить. Например, мне, в больницу надо, а хера так просто в больницу переведут. Увидишь, тут много чего...

– Ладно, потом, – перебил Сергей. Панас начинал его утомлять и злить. Бздливым стал. Съела телесная болячка прежнего Панаса. Да и не до того сейчас Шраму. Свои заморочки обмозговать надо. – Я устал и отдыхаю. Займешь место рядом...

Двое сидели на корточках возле стены.

– Слышал, человек Шрамом обозвался. – один протянул другому сигарету с оторванным фильтром.

– Ну и чего? – собеседник поморщился, но не оттого, что недоволен предложенным куревом, а по причине разнывшегося зуба.

– По хваткам, похоже, тот самый Шрам, который, говорят, год назад Вирши со всеми тамошними нефтетерминалами подмял.¹

– Брось, чего ж его тогда к нам пихнули?

– Вот и я думаю – чего. Мульку про нового зама помнишь? Который местный порядок ломает.

– Ерунда, – отмахнулся и приложил ладонь к щеке, типа по всем нервам стреляет, зараза. – Да посмотришь, завтра Шрама твоего здесь уже не будет. Переведут. Или даже сегодня. Скажи лучше, что с зубом делать?

– Напиши, чтоб «Диролу» в передачу положили...

Сергей лежал на спине с закрытыми глазами. Воздух в камере дрожит, типа желе. Густой, хоть ножом режь на дольки. Будто мыло, воздух можно упаковать в бумажку и написать мелкими буквами его состав: неистребимый запах тюремных стен, душок параша, кислая одежная вонь, пот, перегар, табачный дым и прочие выхлопы. Впору аромат закачивать во флаконы и продавать любителям нюхать воспоминания, наклеивая этикетки – одеколон «У кума», духи «На киче», дезик «Парашен спайз».

¹ Подробней об этих раскладах в романе «Смотрящий по неволе»

Вновь шкандыбать по одной и той же колее Сергей ненавидел. Тоскливо это. Но хрен ли сделаешь, когда за тебя так сильно похлопотали. Надо признать, сработали умело, и теперь хошь-не хошь, а придется чуток понежиться на шконках. Господи, если ты есть, быстрее выправляй расклад, иначе обижусь.

Сергей лежал на спине с закрытыми глазами. На душе было паскудно, словно после приговора. Такому настроению одно лекарство – напиться до чертей. Но настроение надо скрутить в узел, упаковать в посылку и отправить в Уланбатор авиапочтой. Потому что требуется сейчас другое. А требуется нырнуть во вчерашний день, который из-за толстых стен, сейчас казался не вчерашним, а пятилетней давности. Глядишь, чего и сложится.

Отматывать паскудный день начал с вечера.

Он возвращался с таможни. Где улаживал недоразумения, на настоящее и на будущее. Переговоры прошли в теплой и дружественной. За деловой теркой приговорили флакон. Веселый «Абсолют» гулял-бродил по телу, заглядывал в глаза и вечернюю трассу слегка раскачивало. Что-нибудь изменилось бы, не булькай в башне те стаканы? Может быть...

2

– Со Шрамом надо кончать.

Это прозвучало после того, как Лолита устала петь про «упоительны в России вечера» и простучала каблучками по сцене, облизывая клиентов зазывным взглядом из-под километровых ресниц. После того, как халдей подсутился насчет второго запотевшего «Смирноффа». После того, как перетерли за Рафика-Десанта, который спит и мечтает со своими хачиками на их земле разбирать угнанные тачки в сарае «Авторемонт» и берется отмаксывать за тишину в бизнесе по десять штук в месяц. Вечно жмутся эти черные. Только у сидящих в ларьках мокрошелоков, они могут прослыть щедрыми горными орлами. Короче, порешили стоять на двадцати, или пусть Рафик катится на своих тачках, пока не упрется.

После и прозвучало:

– Со Шрамом надо кончать.

Сказавший это ухватил двумя пальцами (на одном, большом, не хватало фаланги) рюмку за короткую ножку. Задрал голову, открывая глазам большое пигментное пятно на шее, ухарски вплеснул в себя водку. Его собеседник сверкнул в улыбке белыми плакатными зубами, подцепил на вилку половину зразы и, разглядывая сочащийся жиром закус, произнес, типа прикалываясь:

– А у Шрама сегодня на ужин макароны.

Пятнистый вежливо заржал. Прожевав мясо, белозубый утер пасть салфеткой, скомкал ее, отбросил комок и возложил ладони на скатерть:

– Да, Шраму выписываться никак нельзя. Вольный воздух вреден для его и нашего здоровья. Ни для того его сажали, чтоб он вышел, – он потянулся к пачке «Парламента» без боязни, что табачный налет испортит белизну зубов. – Ты прояснил? – главная причина, почему Шрам мешает жить этим двум нормальным пацанам, осталась не объявлена вслух.

Человек с родимым пятном на шее кивнул.

– Берутся оформить. За... – он отогнул на одной руке свой увечный палец и три пальца на другой руке. Нули показывать не стал. И так понятно сколько их. – Гарантируют в течение трех дней. Отсчет ведется по получению предоплаты. Предоплата обычная, половина. Если малость накинуть, можно на выбор заказать: чтоб помучился; на перо; чтоб при попытке к бегству; чтоб от грыжи, это когда вырезают грыжу и запузывают в глотку, пока не задохнется. А вот за столько, – пальцев стало гораздо больше, – Обещают из него чучело сделать. Хошь, покрась в бронзовый цвет и ставь в зимнем саду, будто памятник Спартаку.

– Так в чем проблема?

– В башлях. Можем себе позволить? Стоит Шрам того?

– Можем, – опять за столом засияла голливудская улыбка. – Максай, только без лишнего шика, по первому тарифу. Мы – не новорусские из анекдотов. И если из каждого жмура чучело надувать, Кунсткамеры не хватит. Сегодня же вызванивай кого надо, поднимай с люли и плати. Шарманку надо заводить не откладывая. Сколько он просидит? (В ответ – пожатие плечами, упакованными в клубный пиджак) Вот то-то! Ну три-то дня у нас имеются. А от Шрама нам неприятностей перепадет на сумму вдесятеро против названной. – и опять белозубый умолчал, какую путь-дорожку ему переступил Сережка Шрамов. А дело на Руси самое обычное: задолжал зубатик Серегину инвестиционному фонду «Венком-капитал». Мочилов же – самый надежный способ избавляться от долгов.

– Ну, тогда помянем друга, – вновь укороченный палец расплющился о рюмочный бок. – Земля ему пухом.

– Спи спокойно, дорогой корефан. Понял? – снова типа шутканул белозубый.

Они выпили, не чокаясь...

3

Второй следственный изолятор Санкт-Петербурга «Углы» мало чем отличался от знаменитых «Крестов». Чуть поновее, чуть поменьше в размерах, послабше слава. В народе его за схожесть часто так и называли: «Вторые кресты», «Малые кресты», «Угловые кресты»... Скромно завсегда сидело начальство «Вторых крестов» на совещаниях, тише едешь – дольше будешь. Тишина стояла в коридорах «Малых крестов». Мертвая тишина и жуть.

«Какой навар можно снять с того, что Шрам проторчит в „Углах“ неделю-две, а то и всего несколько дней. Выкинуть на время из блатной колоды и попробовать чего-то там перетасовать? Руководить братвой и делами он сможет и отсюда. А если цель при всех наворотах совсем простая – завалить Серегу Шрама?»

А почему бы и не городить, с другой стороны, огород, если хочешь замести следы... Так, так, вот оно...»

Сергей открыл глаза. Над ним подвесным потолком красовалась изнанка верхней шконки: металлическая сетка с проваливающимся в ее ячейки матрацем. Матрацу судя по замызганности лет так миллиард.

«Замочи Шрама на воле, его ребята перекопали бы округу. Они ж тоже знают тех, кто лично на Шрама зуб имеет, или кому мечтается отломить кусок от Шрамового дела. Значит... Значит, эта падла ходит где-то близко, крутится около Шрама, и сученок этот испугался, что ребята Шрама доберутся до него и порвут на части за своего пахана. Потому и удумал засадить в крытку и заказать, а, может, уже заказал мочилову здесь. Пускай Шрамовы ребята потом „Малым крестам“ предъявы засылают, до заказчика маскарада им, точняк, будет не добраться. Хитро заквашено. И тогда совсем неважно, как долго просидит Шрам на мягких нарах. Чтoб замочить хватит и одного дня. Например, сегодняшнего...»

Кимарить было нельзя. И нельзя будет до тех пор, пока не откинешься волей подышать. А не спать – вредно и тяжело.

– Это не я надумал, это мне старшие рассказывали, – бубнилось через два ряда, – Берешь огрызок сосиски и аккуратненько тушью на нем мозоли и морщинки малюешь. Ноготь тоже можно намалевать, но кайфнее будет со спичечного коробка бумажку содрать и прилепить, будто ноготь уже синий...

Он умудрялся барахтаться на поверхности. Плавать в зыбкой слизи между сном и явью. И каждый звук, будь то шевеление кого-то на шконках или всхрап, не говоря уж о погрокиваниях, позвякиваниях, ходьбе, он сразу же выпарапывался из мути.

Изредка, выходя из дремы, вращал челюстью, оглядывал камеру. Вечный, никогда здесь не отрубаемый, свет солью грыз замаявшиеся глаза. В хате стоит шепчущая тишина, будто саранча посевы грызет – шелестят разговоры бодрствующей смены. Большинство из тех, чей черед занять спальные места настанет под утро, все ж таки исхитрялись отключиться: сидя на краешке шконки или на полу. Некоторые запрокинулись в проходе, постелив на линолеум мягкие шмотки. Ночь брала свое.

– ...И когда твой палец из огрызка сосиски уже, как натуральный, – продолжалось бубнение через два ряда, – Подбрасываешь кому-то в баланду. А совсем подфартит, в момент шмона тишком подкладываешь на видное место. Вертухаи – народ нервный...

В черепе устало, не в первый раз перешушывались расклады. А почему киллер должен подсесть? Он может уже сидеть. Кстати, могут зарядить чуть ли не любого уголка, кого-то зашугав, кого-то прикупив, или применив и кнут, и повидло. А почему бы вертухайчикам не подряжаться ликвидаторами? Подвешат тебя на твоих же штанах, а потом распишут мусорам, как ты с собой покончил, пока все храпели.

– Эй, Шрам, ты ж не спишь? – прошептал со своего места Панас.

– Ну?

– Слышь, я чего тебе пару часов назад сказать хотел, да ты не дал – тот, которому ты палец сломал, кликуха Гайдук, вернулся с забинтованной лапой. Пристроился рядом с Боксером.

– Ну и что?

– Гайдук чумовой. Он же с югов, молдованин. Ходку за спиной имеет, сидел за гоп-стоп, мнит себя вором, хотя сямка полная. Короче, может отважиться на вылазку. Одна-то рука у него работает еще.

– Чихал. Полезет – перешибу ногу и проколупаю голову. У тебя все?

– Нет, не все. Я тебе еще кое-чего хочу сказать. Ты отсюда свалишь вскорости, а узнать должен. Да только потише надо.

«Так-то бы оно разговором развлечься и в жилу, да сдается, от Панасовых бесед еще шустрее в сон потянет», – подумал Сергей. Но тем не менее кивнул. Панас придвинулся, толкнув на Сергея волну теплого камерного смрада. Захрипел прямо в ухо и от скрежета его туберкулезных легких Шрама передернуло.

– Короче, крытка эта, она и не черная и не красная. Потому как СИЗО, а не зона, и химичить тут удобней.

– Ты чего, Панас, ликбез мне устраиваешь?

– погоди, Шрам, – в сипе Панаса зазвучала сталь. Вышло – не сказал, а приказал.

«Ого, – подумалось Сергею, – а мы и не такие уж мертвые». Панас лежал, приподнявшись на локтях, нервно катал пальцами бумажный шарик. Похоже было, что бывший солда-герник Шрама до конца дня взвешивал-прикидывал, набирался смелости и наконец решился засветить нечто, на его взгляд, важное. Ну, послушаем.

– Помнишь такого Клима Сибирского? Он здесь в «Углах» загнулся месяц тому назад.

– Да, в курсах. От сердца, кажись.

– То-то и дело, что «кажись». Думаю, замочили Клима. Втихую сподлянидли, без схода-няка и разбора. Сбеспредельничали, короче.

– Откуда звон? – «Призраки Панасу по углам мерещаться. С крышей раздружился», – поставил диагноз Сергей. Жить в парной бане не сахарно. Вон – повернешься, пошевелишь граблей, и пот начинает сочиться как березовый сок из березы. А какой пот на мозги натек у Панаса за полгода?!

– А ты знаешь реальную историю сигарет «Кент»? – бубнил через два ряда уже второй голос, – Был в законе такой Витя Маляев годах эдак в пятидесятых. Под Владиком однажды чалился. А сам родом из тех краев, и захотелось ему красивую жизнь хоть одним глазком посмотреть. И вот скипнул он с зоны, только лыжи наладил не в европейскую часть нашей необъятной родины, а на Аляску...

– И кто, по-твоему, на самого Клима поднялся? – смачно зевнул Шрам. – И, главное, за что?

Можно, конечно, было добавить, что уж на кого-кого, а на Клима в своем уме никто бы руку не поднял. Клима Сибирского признавали все деловые от Дальнего Востока до северных краев, как кубинские коммунисты Карла Маркса. Считалось почетным добиться приглашения Клима разбирать по понятиям спорящие стороны. Таких уважаемых «закоников» в стране осталось после смерти Сибирского человека два, не более.

– Кто за этим стоит, не знаю. А вот «за что»... Тут есть догадки...

Наверху кто-то заерзал, занули пружины – Панас заткнулся. Заткнулись и шептунны через два ряда. Потом Панас продолжил, и шепот его превратился в едва разбираемое шуршание.

– Клим в «Углы» угодил карамболом, на него ничего серьезного, понятно, не было. Промурыжили бы его по любому недолго, ну, месяц от силы. А он успел просидеть неделю и помер.

Шрам кивнул – слышал эту историю. В Питер Клим подвалил разгребать недоразумения между Рамизом и Лехой-Батоном. Бодаловка была серьезной и грозила северо-западной братве нешуточной войной, но с помощью Сибирского стороны все-таки развели. А прихватили Клим по глупому. Кто-то из ментовских стукачей спалил хату, на которой гостевал в Питере законник.

И дело-то было не в воре, а в волынах, что хранил у себя хозяин малины. Стволов там набралось на целый арсенал. И до окончательного выяснения, кто причем, кто непричем, Клим определили в «Углы». Где старик, а ему уж перевалило за шестьдесят, и откинул ласты от сердечного приступа. В чем никто (как выясняется кроме Панаса) не усмотрел ничего напряжного, Клим маялся сердцем – про то было известно.

– Поселили его, понятно, с комфортом, в отдельную. Подпитку организовали на высшем уровне, – продолжал Панас. – И вот... – он пододвинулся еще ближе. – На прогулки Клим выходил к разным людям. Старик же, покалякать охота. И вокруг стали поговаривать, что очень не нравится Климу, как люди живут в «Углах», не по закону. Беспредельщины много. Заговорили, что Клим хочет тутошнюю жизнь по понятиям поставить.

Панас прервался, отвернулся, чтоб откашляться.

– И это все? – Шрам понял, что слушает очередную ботву о правильном воре, который хочет навести порядок, чтобы людям вышло облегчение, да вот злыдни строят козни и изводят вора. Какая-то фигня колола локоть. Сергей щупанул пальцами дырку в матрасе – трофеев чиркалка и четыре спички.

– Не все, – пообещал Панас. – Раз он появился и на нашей прогулке. Вспомнил меня, – было сказано с гордостью. – Я по второй ходке отдыхал на зоне, которую Клим в то время держал. Потрендели мы с ним немного.

– Из Аляски за два месяца до Нью-Йорка дошкандыбал. – снова ожил треп через пару рядов, – И хранил на память об Родине пачку сигарет «Друг» с последней сигаретой. А в Нью-Йорке так прибалдел от небоскребов, что решил выкурить. Не успел поднести спичку, тормозит рядом кадилак, а от туда буржуй: «Эй, мистер, я типа вкалываю на „Филиппе Морисе“, но никогда таких сигарет в упор не видел!» Пригласил этот буржуй Витю Маляева в кабак, и давай выпрашивать, нюхать сигарету, и чуть ли не жевать: откедава, мол, такой ядреный табак?..

– Ну и? – вырвалось у Сергея нетерпеливо. Достало. Он вообще был готов через пару-тройку слов оборвать Панасову сказку. И еще хромая мысль отбросила тень: «А ведь и Панаса могут настропалить меня угрохать. Посулить койку лазаретную, забашлять за адвоката или вообще протаранить выход на волю – и устоит ли он?»

– Странные вопросы Клим задавал, – Панас, кажется, въехал, что не слишком пронял своей темой бывшего солагерника. И заторопился. – Вопросы вопросами, а потом он и говорит. Дескать, скажи, Панас, чего заслуживает человек, который в общак не докладывает. То есть крысятничает. И крыса та не мыло или печенье из посылки у кентов своих уводит, а такие бабки, что от одних нулей голова закружится. И когда правильные люди горе мыкают, этот жирует на их несчастьях и повинную не держит. Что, спросил меня Клим, разве можно терпеть такое?..

– А Витя Маляев был не жмот, – продолжалось бубнение невдалеке, – Он говорит буржую: «Табак такой произрастает только в России. Но если хочешь точный адрес, то поклянись мне своей матерью исполнить одно условие. Типа, нарекались сигареты – „Друг“, „Френд“ по вашему. Но остался у меня на зоне корешок закадычный Акиль Акета. Хочу, чтоб новое имя у цигарок было в честь него. Но и здесь не так все просто. Тут же советские

менты прознают, и жизни корешку не станет. Так что назови сигареты „Кент“ в честь моего друга анонимно. „Кент“ по нашему одна фигня с „Френд“. Заметано?» И буржуй поклялся здоровьем матери...

Уже некоторое время вокруг прежней тишины не было. Сначала зародился где-то за центром камеры настойчивый шепот, переканавший в базар вполголоса. Потом люди свои голоса уже не тушили. После началась возня. Вскнулся вскрик, который словно бы придушили, металлически задребезжали вздрогнувшие шконки, что-то с грохотом шваркнулось об пол.

Сергей соскочил с койки. Если отвоевал себе место держателя хаты, то отвечаешь за все, что в ней происходит.

Сергей двинулся к водовороту возни, где везло, переступая через распластавшихся между шконками. Кто успевал, подхватывался, пропуская его. Бардак обрисовался конкретный. Мельтешили руки, мелькнуло что-то белое. Шрам тормознул у края лежанки, сжав кулаком перекладину спинки.

– Балдеем? – громким вопросом Сергей хлестнул по горбящимся хребтинам.

На его голос обернулись, спины разошлись в стороны. Опаньки! В натуре, ребята реально развлекаются. На койке рожей вниз опухал мужик, руки его были примотаны полотенцем к железным трубкам в изголовье койки, штаны наполовину спущены.

– Чего творим? – Сергей вгляделся в компанию и без удивления обнаружил знакомые оскалы. Боксер и молдаванин с забинтованной рукой. Плюс еще два каких-то калибра.

Попутанный мужик забился на простыни, как рыба карась на берегу. Его хайло затыкал кляп, еле процеживающий жалобное мычание.

– Лежать, – зло прошипел молдаванин и врезал терпиле здоровой рукой промеж лопаток.

– Ну?! – Сергей показывал, что теряет терпение.

– Он в карты просрал, – за компанию взялся отвечать Боксер. Он пытался гнать уверенно и невозмутимо. Пытался, но получалось иначе.

– На что играли?

– На просто так.

Известная подловка. Какому-нибудь лоху, баланды не хлебавшему, предлагают сыграть в карты. Как правило, тот отказывается. «Да на просто так сдуемся», – говорят ему. «На просто так» лох соглашается. И проигрывает. После чего ему сообщают, что он на кон поставил самого себя. «Помнишь на что резались? На простока. Ты и есть – простак, мы-то не простаки. Ты теперь наш».

– А у меня разрешения не надо спрашивать? Значит, решили опустить без позволения смотрящего камеры?

Шрам не жалел мужика. Прежде разберись, куда ты попал, как тут живут, кто вокруг тебя, какой устав в этом монастыре, а потом уж ввязывайся в сомнительные развлечения. Но эти блатнящиеся фраера кинули вызов ему, Шраму. Не пожелали считаться с ним, не признали за главного в хате. Вот с чем придется разбираться, а не с проигравшимся мужиком.

– Это ты смотрящий?! – не выдержал наконец молдаванин. Наконец – потому что примечал Сергей, как тот закипает, как приходит в движение всем телом. – Кто назначил?

Можно и не отвечать, но Сергей ответил. Не молдованину, а тем, кто слушал разговор.

– Закон. Потому как кроме меня воров тут нет. Шелупонь одна выдрючивающаяся. Вроде тебя.

– А ты платил за это право?! – напряг в голосе молдованина, приближающийся к поросячьему визгу, будил людей в хате. – А я платил.

– Чем? – проявил Сергей совершенно искренний интерес.

– Монетой! Заработанной монетой, – человек с кликухой Гайдук даже начал заикаться от еле сдерживаемой ненависти. – Это тебе не зона, ты вначале в порядки въежь. Или меняй хату и там заправляй. Ты не на зоне! Усвой! – человек с погонялом Гайдук вытер потеющую ладонь здоровой руки о штаны. И предложил, видимо, вспомнив в сей пиковый момент о сломанном пальце. – Давай, ты сперва разберись тут во всем, а потом договорим.

– Короче, молдованин, – Сергею были все услышанные слова фиолетовы. – Базар закончен. Засыхай и забирайся на свое место. Или будешь с Губой парашу облизывать.

Молдованин дошел. В нем не выдержала пробка, и, как гной из лопнувшего чирея, зачвыркали тухлые кваки:

– Сука долбаная! Ты – никто! Козел! Ты здесь подохнешь, загасим! – дрожали его цапки и дергалась харя. – Люди! Он вас на понт берет, этот мудака! Рви его!

Сергей отлепил себя от перекладин шконки и шагнул в проход. А вдруг непонятка затеяна, чтоб кто-то третий под шумок шило в почку ткнул? Молдованин давил пяткой на полу пластмассовую кружку – изломанный, зазубренный край будет его оружием. Боксер кукился на койке и не встречал. И с коек никто не прыгивал и влезать в месилово не собирался. А на хрена кому-то надо?

Снова привычная тоска засочилась по жилам и артериям Сергея. Опять предстояло сворачивать чужие скулы и коцать коленные чашечки. Не он выбрал эту дорогу, она его выбрала несколько сентябррей назад, и теперь не свернуть до конца.

И тут рывком распахнулась дверь, проем заполнили силуэты.

Понятно, Сергей уже не шел к молдованину, не успевает. Но успевает сказать:

– Эй, молдованин! С простака этого за тебя спрос не снимается. Гляди, если сбеспредельничаешь...

Камера загрохотала разозленными голосами:

– Лицом к стене! Лечь на пол! На пол, суки!

Сергей вышел в проход, сладко зевая, невинный, как ребенок. К нему продирались надзиратели, очищая дорогу резиновым дубьем.

– К тебе, паскуда, не относится?! На пол!

Сергей продолжал сонливо хлопать челюстью.

– Этого на выход! – Догнал вертухаев от двери приказ.

– На выход! – продублировал команду старшего остановившийся перед Шрамом красномордый и щекастый вертухай с блеклыми, не-пойми-зачем отрощенными усами. Ткнул Сергея дубиной в живот. – На выход! Будет тебе сейчас веселье.

А вот с весельем как раз накладочка. Эх, каким веселым пацаном был Серега всего год назад, как безбашенно бросался в бой, как лихо разводил путавшихся быков! Куда теперь запропала эта веселость? Теперь остались только ваши благородия скука и тоска...

Глава вторая. Перевоспитание

*Владимирский централ, ветер северный.
Хотя я банковал, жизнь разменяна.
Но не очко обычно губит,
А к одиннадцати туз.*

1

За окном не лупила по чужим и своим артиллерия, не утюжили дороги бронетранспортеры, не переползали на новую позицию снайперы. А курил он все-таки в кулак, закрывая пальцами предательский огонь сигареты. Сила привычки.

Огонь начал пожирать фильтр, и Олег затушил сигарету. В пепельнице уже сохли четыре окурка: два от «Кэмела» («ну, эти знамо чьи, хозяина кабинета, легко опознаваемы по марке и силе, с которой их мочалили о дно»), а два от «Союз-Аполлона». "Интересно, – подумал Олег, – интересно. Не вытряхнули вчерашние? Исключается. Значит, с утра уже кто-то побывал в кабинете. И просидел долго, аж по две сигареты оттабачили.

Олег прикрыл форточку и с пепельницей в руках вернулся к столу начальника. Последний сворачивал телефонный разговор, произносил завершающие:

– Ну, договорились, да, обязательно сразу же дам знать, и тебе всего...

Аппарат тренькнул, принимая трубку на рычаги. Аппарат невзрачный, позорного лилового цвета, махрово советский, какие раздавали учреждениям годах в семидесятых. Рядом, правда, стоит телефон посовременней, но общего впечатления он не выравнивает. Вся обстановка кабинета выдержана в духе казенного аскетизма. Рассчитана на проверяющих, дескать, сами видите, живем советским наследством, перебиваемся как можем, надо бы в инстанциях поднять вопросик об увеличении финансирования.

– Ну, Олег Федорович, – начальник второго после «Крестов» следственного изолятора города откинулся на дерматиновую спинку стула. – Начнем трудовой день?

– Начнем, Игорь Борисович, – не стал возражать заместитель по воспитательной части, или, как именовалась его должность раньше, замполит.

Олег Федорович Родионов был в «Углах» человеком новым, его замвоспитательский стаж насчитывал неделю и один день. Прежнего зама перевели в Саблинскую колонию, а на образовавшуюся вакансию выписали из Чечни полковника Родионова. Точнее, из ростовского госпиталя, где полковник залечивал контузию. И почти никто в изоляторе не сомневался – это президентские игры, Путин повсеместно внедряет людей, доказавших верность под пулями, вот и до их учреждения докатилось. Сомневались в этой версии немногие. Например, начальник СИЗО Холмогоров Игорь Борисович. Возникли у него за неделю сотруничества с новым замом подозрения иного рода.

– Вы помните, Олег Федорович, что сегодня... – начальник пододвинул к себе перекидной календарь, взгляделся, сощурившись, – сегодня в три нас с вами ждут на Суворовском? Кстати, только что мне сообщили, – Холмогоров повел головой в направлении телефона, – на совещании будет Черкизов.

Начальник поднял глаза с календаря на зама – как тот отреагирует на фамилию полномочного представителя по Северо-Западу? А никак. Будто знал и без него, кто прибудет, кто не прибудет. Тогда ставим новый вопрос – откуда известно, кто подкинул информашку, с кем мой зам консультируется?

– Я тут подготовил, о чем вчера вам докладывал, – Родионов уже листал краснокожий блокнот с выдавленными на обложке буквами «Делегату съезда политработников». – Записку о мерах по улучшению содержания заключенных в «Углах».

– И что там у вас? – начальник изобразил некую заинтересованность, а в мыслях для себя откомментировал так: «Энтузиазишь, Чеченец? Жопу рвешь со всем старанием. Суешься, куда надо и не надо. Вот уж подарочек мне подложили аккуратно ко дню рождения. Грамоту от начальства и тебя, чудозвона, в довесок, – полный набор удовольствий».

Понятно, к заму в изоляторе сразу прилепилась кликуха Чеченец. Кто ее запустил в употребление, не уследили, но погоняло подхватили вмиг и по-другому теперь работники СИЗО Родионова за глаза не называли.

За окном набухало черной водой питерское небо. Оно стелилось над замершим в ожидании осеннего дождя городом, облизывало его крыши черно-синими, трупными языками туч. Того и гляди вжарит. Вода набросится щупальцами струй на законный пейзаж: на ржавчину оконных решеток, на зеленые «грибки» вышек, на грязно-красные стены административного корпуса, на сетки, натянутые над пеналами для прогулок заключенных, на облупленные спины «воронков» во дворе изолятора...

– Пункт третий, – зачитывал Родионов, – силами заключенных построить на территории следственного изолятора часовню. Пункт четвертый. Организовать тюремное радиовещание...

Зам читал, а начальник, скользя по этой галиматье краем уха, продолжал развивать свои подозрения: «Ну, понятно, что человек в нашей системе не работавший, всякие залепухи должен толкать по незнанию. Но не столько же всего сразу, не такую же туфтеню. Во всем мужик перегибает. Даже со своей контузией».

– Вы согласны с этим пунктом? – оторвался от блокнота Родионов и глянул, будто на нераскрытого врага народа.

– Я-то, может, и согласен, но... – начальник пошевелил свое грузное тело, и стул под ним вскрипнул от боли, – но есть руководство. Вы все пункты прошли?

Начальник и зам держались на «вы». Начальника это выводило из себя. Не привык от кому-то на своей земле выкать. Зам же избегал всякого товарищества, подчеркнуто держался на дистанции. К тому же и водку не пил. Или делал вид, что не пьет. Сволочь уставная.

– Еще пять пунктов.

– Ну, ну, – начальник потянулся к пачке «Кэмела». Вспомнилось ни к селу, ни к городу, как позавчера, прослышав, что сука Альма оценилась, зам сбежал с развода караула. Ну это то как раз бзик простительный. У Холмогорова и свой задвиг имеется.

А вообще поведение Чеченца породили в изоляторе шепоток, что, дескать, нынешнему куму готовят смену. Дескать, сейчас новичок въедет что, куда и зачем в этих «Углах», после его усадят на кумовство, в замы он возьмет кого-то из фронтовых дружков, а нынешнего начальника выставят на пенсию. Но начальник СИЗО Холмогоров эти домыслы не разделял. И не потому, что не желал верить в печальный для себя исход. Нет, он просто предполагал, что появлению Чеченца есть иное объяснение.

– Хорошо, – произнес Холмогоров, когда зам закончил перечисление по пунктам. И для весомости прихлопнул свободной от сигареты ладонью по столешнице. – Днем послушаем, что скажут генералы. Давайте вернемся к нашей текучке. Так, Олег Федорович...

Начальник вновь потянулся к календарю, в который по въевшейся в советские времена привычке записывал все то, что не помещалось в память. Но зам по воспитательной не дал ему вчитаться в чернильные пометки. Зам, подавшись вперед, навалившись грудью на край начальнического стола, иным тоном, отличным от того заунывного лекторского тона, каким зачитывал свои бредовые фантазии, напористо и требовательно произнес:

– Вы вчера распорядились перевести Туташхию в отдельную камеру? В то время как в других камерах народу в три раза больше положенного, спят по очереди. Я не понимаю, Игорь Борисович!

Сказано было ровно так, как и следовало сказать, если за тобой бронебойными щитами стоят президентские люди, которым ты обещал навести порядок на очерченной задачей территории. Сказано было без сомнений, что перед тобой обязаны оправдываться, тебе обязаны сознаваться.

И еще в глазах Родионова сверкнули черные искры, зам задвигал побелевшими скулами, ладонь пошла нервно елозить по коротким, на три четверти седым волосам, – картинка, которую начальник уже ни раз наблюдал за последнюю неделю. «Никак опять станет под контуженного канать, – с тоской подумал Холмогоров. – Достали эти спектакли».

Начальник с трудом удержал в себе желание послать зама далеко и цветасто. Тогда в ответ получишь форменный приступ, еще того и гляди пена изо рта повалит. Ничего не попишешь, пока не разберешься, кто затеял этот карнавал, придется сохранять с замом ровные отношения. А для того, корежа себя, надо сглаживать углы, подыгрывать этому гостинцу.

– Вы же не хуже моего знаете, Олег Федорович, – начальник даже выдавил на лице виноватую улыбку, – какой хай подняли адвокаты в прессе. На нашего подзащитного в «Углах» готовится покушение, имеем точные сведения! А если правда? А если замочат? Кого крайним назначат? Да нас с вами!

– Адвокаты всегда орут одно и то же, – в голос замполита стали прорываться хрипы. – Вам ли не знать. Если их слушать...

Холмогоров решил поставить точку в утомительном, бестолковом базаре. Он перебил зама.

– Потом, Олег Федорович, не я решаю. За меня решили, – начальник указал догорающей «кэмелиной» на лиловый телефонный аппарат. – Приказы не обсуждаются. Как в армии.

«Тебя б, милай, знахарям исподтишка показать, мешком ты трахнутый, или прикидываешься?» – подумал Холмогоров, подозревая, что нормального обсуждения насущных дел сегодня не получится.

Зам продолжил дурку валять. Да еще как продолжил.

– Какая к едреням армия!? – зам не то что не кричал, он перешел на шепот, но шепот этот скорее походил на мегафонный треск. – Армией тут и не пахнет. Махновщину развели, – лицо Родионова багровело. – Кто у нас власть? Зеки у нас власть? Сидят, как на своей малине. По двое-трое в камерах. Курорт им тут? А остальные камеры забиты людьми до потолка. Потому что там люди простые, чего их бояться? – зам сжал кулак, окажись в кулаке карандаш, быть бы ему раздавленным в труху. – Цацкаетесь с главарями. А чем больше их ссат, тем больше они борзеют. По-хорошему, их сразу к стенке нужно. Без суда, при задержании. Шлепнешь десяток главарей, их свора притихнет. Как хотите, предупреждаю, я сегодня на совещании подниму вопрос о Туташхии. Пускай сидит, как положено. И со всеми будем так. Обещаю следить. Задачи на день, говорите? – Родионов обхватил календарь, как птицу схватил. – Я помню, еще кого-то из главарей вчера привезли. Из Вирешей, кажется, переслали, да? Как его...

– Шрамов. Сергей Шрамов. Кличка Шрам, – без выражения, как по радио передают даже самый поганый прогноз, подсказал Холмогоров.

– Лично прослежу, чтобы жил, как все. Чтобы рубал баланду из общего котла. Никаких поблажек, ни ему, никому другому. Я им устрою курорт...

Начальник слушал. Загасив сигарету, уже пальцами не одной, а двух рук барабанил по оргстеклу, накрывавшему столешницу: «Или ты и вправду контуженный? Тогда неизвестно, что для тебя хуже, парень. Ну и как нам с тобой поступать? Ладно, скоро выяснится, кто ты такой. Ох, и тоскливая выдалась неделя!».

Начальник СИЗО Холмогоров не соглашался с теми, кто видел в Родионове «привет от Путина». Слишком уж... Да все слишком. А вот если предположить, что зама подсунула третья сторона, у которой на «Углы» возникли свои виды и виды эти нетрудно просчитать, то тогда пасьянс начинает складываться.

А зам продолжал вещать о своей ненависти к зековской братии. О том, что воров в законе надо чуть ли не петушить доблестными силами СИЗО, чтобы навсегда хоронить их авторитет. Зам заводился. Словно прихлебывал из кружки настой белены. Начальник не спешил перегораживать этот поток. «Пусть наговорится, ладно. И вообще скоро все прояснится»...

2

Табличка на двери отсутствовала. Присутствовали дырки от шурупов и незакрашенный прямоугольник.

Сергея поставили лицом к стене. Конвоир постучал по двери костяшками кулака.

– Да! – отозвался кабинет.

Вертухай распахнул дверь.

– Заключение Шрамов доставлен.

– Введите.

Шрама ввели.

– Поставьте ему стул, – взгляд сидящего за столом загорелого человека в форме полковника внутренних войск предназначался, как и обращение, конвоиру. Тот выполнил приказ. Привинченный к полу табурет в этом помещении предусмотрен не был, поэтому пришлось тревожить стул, до того мирно трущайся о стену, ставить его напротив полковника, в полутора метрах от стола.

Садясь, Сергей почувствовал, как фанерное сидалище чуть съехало в сторону. Не загреметь бы мусорам на смех, сонно прикумекал Шрам. Он всласть откинулся на спинку («и хорошо, что не табурет»), наручники уперлись в деревянную раму.

– Идите, – распорядился полковник. Конвоир вышел.

Сергей, пока суть да дело, оглядел стены и усмехнулся. В кабинете, за окном которого расталкивало тучи утреннее солнце, висело аж три портрета, каждому предназначалась отдельная стена: Путин, новый министр внутренних дел, и Петр Первый. Обилие портретов рассмешило Сергея, но еще его и удивили две вещи. Первая – «А Петьку-то за что?», вторая – «Как быстро нового суперкума намалевали!».

Полковник пилил глазами заключенного.

– Чего усмехаешься, Шрамов? Весело тебе в тюрьме? Родной дом? – процедил он, играя скулами. Было похоже, как если бы ковбой «Мальборо» стал рекламировать жвачку «Ригли».

– Значит, мы на «ты» будем, гражданин начальник. Лады, – Шрам пожал плечами. – Я не против.

– На «вы» желаешь. Добро. Будем на «вы», – дал угрюмое многозначительное согласие полковник. – О ВАС, – он ткнул в коричневую папку с белой бумажной нашлепкой, лежащую перед ним, – знаю достаточно. Представляю, с кем имею дело. Я же – Олег Федорович Родионов, заместитель по воспитательной части следственного изолятора «Углы».

Гражданин начальник сделал паузу, видимо, давая заключенному последнюю возможность осознать, пропитаться важностью разговора, раздумать валять дурака. А пилился – дырки в переносице жег.

Что-то в гляделах полковника насторожило Сергея. Встречал Шрам такие звериные зрачки, доводилось не единожды. Их можно назвать – глаза обманчивой колодезой глубины. Муть на их дне колобродит, которая образуется от трения полушарий мозга друг от друга. Короче, какой-то бзик сидит в полковнике, как холерный суслик в норе, а значит, может выскочить и тяпнуть за руку. «Эти глаза напротив, тра-ля-ля» – завертелась в башке пластинка сиропным киркоровским голосом.

Зря полковник замолчал. Пауза стала усыплять Сергея. А ведь, если и отсыпаться, то здесь безопаснее всего. Не полковник же будет его устранять! А если полковник и в курсе заказа, то не допустит в своем кабинете...

В каком-таким кабинете? В кабинете директора Виршевского нефтекомбината. И вот маячит перед Шрамом подкаблучный директор комбината Андрей Юрьевич и докладывает:

«Мы тут посоветовались и решили больше с черным налом дел не иметь. Честно максать все налоги. А на комбинате отныне перестанем нефть кипятить, а начнем паленый апельсиновый сок варганить.». «Ага, это только сон приморочился,» – вздохнул облегченно Шрам.

– Значит, Шрамов, насаждаем уголовные порядки? Избиваем тех, кто против? Гляжу я на тебя... на вас. Молодой кабан...

«Сейчас вякнет, на тебе пахать надо». Но не угадал Сергей.

– ...И уже не видишь жизнь без уголовщины. Острых впечатлений не хватает? Так вербуйся в Чечню, – полковник передвинул с края стола на другой край стаканчик с карандашами. – Там похлебаешь их сполна. Хотя поймешь там, почему стоит твоя собственная жизнь. Это полезно, знаешь. На чужую жизнь уже тоже по другому смотришь.

Как-то не так гонит полковник. Ботву полную несет гражданин начальник.

А в башке недосыпный туман. И жрать охота в натуре, а не с начальником за идейную жизнь трендеть. Эх, щас бы шаверму с кока-колой. Но в казематную пайку шаверма, такая беда, не вписывается. Что входит в здешнее меню, Сергей вчера днем полюбовался, заглянув в тарелку Панаса. Знаменитый каждодневный рыбный суп. Теплая вода с картофелиной и морковной точкой, тухлый рыбий глаз на дне, поверху красный плавничок укачивается. Полюбовался, но кишки поганить не стал.

Сегодня же с утра никто не заморачивался с кормежкой. Просто вывели из карцера и привели к политруку. Но даже если б и предложили и поднесли б на блюде... пусть и шаверму с колой... Самое милое дело, если хочешь избавиться от кого-то в тюрьме, травануть его. Вот уж где все концы махом рубятся: кто из сокамерников угостил, чем угостил, зачем покойник хавал всякую дрянь?

– Нет, я понимаю, сладко жрать и красивых девок тискать всем охота, – гнал свое гражданин начальник. – Но за дни кутежа платишь годами за решеткой. Или всегда веришь, что не попадешься?

Стаканчик с карандашами опять, будто трамвай не меняя маршрута, переехал с краю на край.

Сергей уже не фиксировал зама. Перед Серегой глючился за подставы год назад ответивший ныне покойный его прежний папик Михаил Хазаров: «Ты, Шрам, на этот раз в Петропавловскую крепость двинешь, – привычно заряжал на нереальные подвиги покойник, – Пора нам с музейных экскурсий процент в общак стричь».

– Без базара! – кажется, уже наяву ответил Шрам.

Жмурик вместе с дремными спазмами развеялся, опять перед Шрамом выдрючивался зам.

– Вот скажи ты мне, – полковнику понравилось, что Шрам стал с ним соглашаться, и, развивая тактический успех, зам навалился грудью на стол, – Хотел бы ты, чтобы твой сын стал вором?

Он так и будет доставать идиотскими вопросами? И вдруг у Сергея склеилось. Ну как же он сразу не допер? Ведь с порога впиталось в глаза, что какой-то занехаянностью отсвечивал кабинет. Не канают вроде бы человечку с замашками оголтелого политрука. И эти вопросы пионерлагерные! Вдобавок Сергей вспомнил отсутствующую на двери табличку. Совсем вчера тебя, полковник, выходит, назначили замом по воспитательной. С контингентом, значит, поближе решил познакомиться! С типичными представителями и так далее. А сам ты, век воли не видать, из военных, с крытками и зонами не знался!

И Сергей невольно хмыкнул собственной догадке.

– Чему смеешься? – прошипел начальник. Забились карандаши-пассажиры в стаканчике, не донесенным на этот раз с края на край. Типа, забастовка общественного транспорта началась. Губы полковника побелели, муть в глазах поднялась со дна и прилила к иллюминаторам.

Ая-яй-ай. Сергей понял, что зря позволил губам разъехаться в стороны. Но уж поздно. Раз не удержал улыбку, значит, не удержал. Теперь хлебай полной ложкой полковничьи задвиги.

– Думаешь, вы – хозяева жизни, ты – хозяин? – прохрипел начальник. – Хер тебе! Хозяева – мы! А здесь я – хозяин! Вы у меня задохнетесь своим дерьмом! – изо рта полетели брызги слюны. – Задохнетесь. Хватит. Ни водки, ни отдельных камер, ни телефонов, ни жратвы из ресторанов, ни прогулок от рассвета до заката, ни свиданий, ничего! По общим мыкаться, баланду хлебать и спать в очередь, спать на тех местах, где укажут. Кто рыпнется – в карцер, где ты был. Понравилось? Ты, – полковник вытянул к Сергею палец, – ты лично у меня парашу выносить будешь. Руки скручу, бачок сам тебе на голову поставлю!

«Какой бачок!? Что за пургу ты гонишь? Алло, военный, ты хоть в камеры-то заходил, проповедник? Где ты бачки видел, везде параша в виде унитаза!», – так подумал, но удержал в себе Шрам. И опять на волнах сна уплыло мировоззрение Шрама в страну-кумарию.

Теперь он присутствовал в заповеднике гоблинов – доставшемся в наследство от Михаила Хазарова инвестиционном фонде «Венком-капитал». И вот ставит Серега перед своим пацаном Шатлом задачу. Надо, мол, бизнес по торговле новогодними елками под себя подминать. А Шатл кувалдометром в грудь стучит: «Я тебе обещаю. Слово офицера даю. Согну.»

– Я тебе обещаю. Слово офицера даю. Согну. – исходил на карболку зам.

Пелена недосыпа стаяла, как майский снег. От последних телег начальника Сергей тоже завелся, будто джиповский движок.

– Хочешь попробовать, начальник, ну пробуй. Но неужели конкретно думаешь, что ты первый, начальник? Что до тебя никто не рыпался поломать порядки? Истреблять воров не пробовали? Было. Ломать их не пытались? Да сколько хочешь! И все в натуре опять верталось на круг. Канат тянут давно с обеих сторон, а перетянуть не могут. Потому что правда всегда посередке, гражданин начальник. Правда, она сама себя устанавливает. Чтоб всем удобно, все же люди. И эти люди запросто местами поменяться могут...

Полковник оттолкнулся кулаками от столешницы, стаканчик упал на бок и, проскользив по карандашным граням, на стол высыпались кнопки. Начальник начал обходить стол. Среднего роста, жилистый, сильный, никаких жировых отложений не скопил в сорок с чем-то лет. Шаг у него удавался прочный, по-настоящему полковничий. А лицо сделалось багровым, глаза сузились, выпуская наружу одно только волкодавье бешенство.

– Умничаешь?! Учить меня начал! Меня! Сопляк гребанный! Я в одиночку высоту до подхода удерживал! Все погибли, все! Я таких, как ты, выпердыш, об колено ломал, – полковник подходил к заключенному, сжимая-разжимая кулаки. – Испугать, думаете?! Я никого не боюсь, ты понял?! Это вы у меня будете ссать. Кровью будете ссать!

Сергей был готов, чуял, к чему солнышко клонится, и легко убрал голову от кулака. Мелькнуло золотым на коричневой коже обручальное кольцо (некстати подумалось Сергею – «Непросто приходится твоей бабе»).

Но и полковник оказался ловок – не дал уйти корпусу за промазавшей рукой и почти без промедления выбросил левый кулак.

Сергея швырнуло вбок, незакрепленное фанерное сидалище стула поехало по раме к едрене фене, и Сергей загремел на пол. Поди удержись, когда твои руки спаяны за спиной гремучими браслетами.

Правой вышло бы чувствительней, но и от левой неслабо досталось. По подбородку потекла кровь.

– А вот это зря, полковник. Лишнее... – Сергей сидел на полу и слизывал языком кровь с разбитой губы.

Зам по воспитательной нагнулся, сгреб заключенного Шрамова за рубашу и поднял. Силы в полковничьих руках хватало. Они глядели друг другу в глаза.

– Я тебя, урка грязная, сгною в этих стенах. Обещаю. Слово офицера, хоть тебе, суке, это не понять, – зрачки замполита разрывали глазницы злобой, подрагивала щека. – Хоть один урод не будет спаивать моих детей, – рука полковника встряхивала зека в такт словам, – убивать их наркотой. Не будет толкать девчонок на панель. Не будет жировать на наших бедах. Ты у меня превратишься в вонючее чмо, какое ты и есть, урою...

– Зови конвой, начальник, – разлепил Сергей разбитые губы. – Считай, я уже перевоспитался. – чего вслух не сказал, так это: «Мерси, начальник, что выпался в твоём кабинете».

3

– Вот видишь, как удачно все само собой налаживается.

Ключи имелись у двоих человек. Они и только они входили сюда. Причем ключей у каждого было тоже по два. Потому что отличалась кладовка от других кладовок особенностью, делающая ее круто завлекательной для тайных встреч. В маленькое помещенье было прорублено два входа. Одна дверь, стандартных габаритов, выходила в безлюдный, хозяйственного характера коридор, другая, маленькая, гномоудобная дверца располагалась под лестницей. Короче говоря, кладовку трудно было не признать идеальным местом, чтобы появляться-исчезать незамеченными.

– Ты же футбол любишь смотреть?

Сигаретные огни в момент затяжки освещали злые ухмылки, хотя пялиться заговорщикам друг на друга не было никакой надобности, почитай каждый день свиданькались и при полном свете.

– Ну да.

– Как хорошо играть, когда судья за тебя, не находишь?

– Какой судья?

– Это образ, болван. Судья в данном случае – судьба, обстоятельства... Ладно, проехали.

Над головой зародился грохот – кто-то начал спускаться с третьего, верхнего этажа хозяйственного блока. Нетренированному мозгу стало бы казаться, будто сапоги бьют прямо по мякоти.

Но беседующим приближающийся и усиливающийся грохот не мешал.

– Сегодня о их конфликте узнает все наше «население». Постарайся, кстати, чтобы это произошло как можно быстрее.

– Конвой и без моей помощи успел разболтать всей смене о мордобое между замом и вором. Уже должно было дойти и до блатных.

Спускавшийся по лестнице дошел до нижнего этажа и свернул направо, к бельевому складу. Приглушать голоса, когда грохочут ступени, не имело никакого резона. Другое дело, если кто сунется в коридор. О чем узнаешь заблаговременно, – по коридору тоже тихо даже в пуантах не пройдешь, не говоря о скрипучей, не запирающейся решетке, которую кому-то придется сдвигать, визжа петлями на всю Ивановскую.

– Жутких подробностей не повредит и побольше, – сказавший это хмыкнул, откликаясь на какие-то свои мысли. – Когда с заключенным Шрамовым случится несчастье, ни у кого не должно оставаться сомнений, кто за этим стоит. Товарищ Родионов. Ну, мы и обставим дело так, чтобы исключить сомнения. Жаль, заказчики на красивую смерть поскупились. Ты им предлагал нашу коронку?

– Им нужно просто: чик, и шито-крыто. Ну, не вынесла душа поэта заточения, ну, не доглядели надзиратели, проспали роковой миг товарищи по камере. Вот такая беда, граждане прокуроры.

– Жмотливый клиент пошел, не то, что в девяностых. Тогда, помню, встречались такие горячие парни – обкромсанное сердце врага на серебряном подносе заказывали.

– Были, да сплыли. А за Родионовым точно нет никого серьезного? – заскучал второй. Предпочитал короткую память.

Сигаретный пепел оба стряхивали в трехлитровую банку, стоявшую на пыльном и пустом стеллаже.

– По моим сведениям, нет. – нагло соврал первый.

– А как насчет того, что я тебе говорил? О группировке из бывших чеченцев, как раньше из бывших афганцев. Это точно, что набухают такие банды. Отслужили, вернулись, сбиваются в стаи, отрывают куски...

– Да плевать! – человек пошевелился и мышью прошуршал под ногами задетый ногой бумажный комок.

Кстати, крысы тоже любили ховаться в этой каморке, часто прошмыгивали в темноте. Но в «Углах» к крысам привыкаешь быстро. Вот и второй не дернулся на шорох. Он привычно ждал, когда первый закончит агитировать за светлое будущее.

– Теперь неважно, кто организовал нам этого зама. Не мы же его уберем. Кто же на нас посмеет подумать? Ведь незамедлительно блатной мир облетит известие, что правильного вора сгубил полковник такой-то. Парни из бригады Шрама воскипят негодованием и проникнутся благородным желанием отмщения. Они и покричат прилюдно во всех кабаках и банях «Да мы за Шрама всем мусорам глотки перегрызем, хоть генералу, нам насрать на погоны». Поэтому, когда вослед за этими обещаниями полковника Родионова обнаружат умершим насильственной смертью, будут поздравлять Шрамовских дружанов с хорошей работой, хвалить их, восхищаться ими. История проста, как тюремная баллада: контуженный, полусъехавший зам извел в припадке заключенного, а ему отомстили кореша загубленного уркагана.

– Слушай, а может болтуна, который на букву "П", и не надо...

– Надо. – До того мягкий голос вдруг напомнил свист остро заточенной шашки. – С болтунами так и надо.

До следующей затяжки молчали.

Каземат, в котором проходил разговор (разговор внеплановый, срочный, на который один другого экстренно вызвал), находилось на первом этаже, в хозяйственном блоке, затерявшись среди всяких каптерок и кладовок. Этот закуток, на двери которого белела едва различимая в полутемном коридоре табличка с буквами и цифрами, тоже считался каптеркой. В этом качестве каземат и удостоился быть помеченным на разных планах изолятора «Углы». Но в узаконенном планами качестве место это давно не использовалось. Когда-то кем-то занесенные и забытые швабры, метлы, половые тряпки безнадежно гнили по углам и, как говорится, воздуха отнюдь не озонировали.

– Да, ты прав, удачно они поцапались.

– А я тебе всегда говорил, что не надо ни с кем ссориться. В мире и дружбе следует жить. Так учит народная медицина.

О стенки пепельницы затушили два окурка: один от «Кэмела», другой от «Союз-Аполлона»...

Глава третья. Суки

*Наступила полная апатия,
Жуткая потребность на вино,
А к «Столичной» у меня симпатия
Все равно напьюсь я, все равно.*

1

Целый прапор провожал рядового конвоира. А еще овчарка на поводке. Трое против одного подследственного? Или так его ссат? Не, Шрам, ты о себе возомнил. Никого пока не сподобился как следует напужать. Здесь по крайней мере.

«Найки» на липучках отпружинивали от пупырчатых металлических листов пола. Мимо уныло и однообразно проплывал, словно гуляешь по дешевой компьютерной бродилке, серо-белый коридор.

Что-то не устраивало Шрама в оказанной чести. Так, отматываем катушку назад. Лязги, громоухание, «Заключенный Шрамов, на выход!»... А вот на кой ляд прапору было гундеть, якобы заполняя время, пока Шрамов шел к двери:

– Недолго удалось покайфовать, – и потом, за дверью, – Нечего было злить нашего нового зама. Для него человеки хуже зверей. Тут один сержантик собаку пнул, так чуть квартальных не лишился. Чеченец – он и есть чеченец. Газават, кровавая месть".

Кусок балабонил, как и положено куску: громогласно, похохатывая над своими плоскими, как трахнутая камбала, приколами. Типа скучно лямку тащить, так хоть поострю. А самолично приперся кусок, так как замполит, небось, велел проследить за доставкой. Все вроде укладывается. Но ох свербит...

Закончился длинный, будто прямая кишка великана из сказки братьев Гримм, коридор, он же переход в другой корпус. Защелкнули за спиной очередную решетку, возле которой заключенный Шрамов не в первый раз за эту прогулку, дожидаясь пока отворят, отдыхал лицом к стене. Потом вывели на лестницу. Мерзко задребезжали под ногами металлические ступени.

«Гнилой расклад за версту воняет. Тут тебе и излишний по ситуации прапор, и его стремный треп. Болтовня-то уж больно конкретная, богатая на информацию. Навертелось само собой, или навертели?»

Спуск по лестнице закончился. За решеткой, за что-то удостоившейся быть выкрашенной (и недавно) черным лаком, открылся – вот удивительно, блин, – очередной коридор. Дорожка коричневого линолеума...

И наконец пробило. Шрам аж споткнулся на ровном месте. И получил в спину пока что ладонью.

– Вперед! Дубьем огреть?

– Спину кольнуло, начальник. Радикулит, наверное, да? – Сергей изобразил кислую улыбку.

– Ничего, вылечим, – хохотнул кусок.

Все срослось. Типа озарило. Шрам понял – его ведут на убой. А прапор приплетен, чтоб указать на замполита пальцем. Надобно малявить до воли, кто повинен в том, что нету больше с нами любимого Шрама. Переетить твою пятнадцать, как просто... Политрук-то в решетчатом заведении новый человек. Выходит, не пришелся местной кодле ко двору, наду-

мали и его списать в утиль, а ликвидацию повесить на Шрамовых дружбанов. Дескать, отмстили за кореша.

Сразу потяжелели на двести кило стальные браслетики на запястьях рук, заведенных за спину. Броситься глушить вертухаев и псину конвойную ногами? Срепертуарить припадок? Доволокут. И браслеты в результате могут не отстегнуть. Завыть? Огреют, вырубят, опять же доволокут. Значит, выгодней прикидываться лохом. И соображать чего-то на месте.

Блин, теперь коридоры кажутся короткими, будто рукава у лилипута. А кусок с рядовым дубаком шлепают чересчур быстро.

– Стоять!

Шрам встал.

– К стене!

Выполнил и эту команду. Забряцала связка ключей. Вот ты какая та самая ПОСЛЕДНЯЯ дверь. Обыкновенная, хоть чем бы выделялась, хоть меловым крестиком каким-нибудь.

За дверью ждала костлявая. В каком же виде ее приготовили?

2

Ссученных он распознавал сразу. По масляным и бегающим глазенкам, по особым гадко-сладким улыбочкам, по фальшаково расслабленным стойкам ожидания, – из всех пор сочится перемешанная в равных долях борзота и сцикливость.

Хватило времени, ушедшего на расстегивание браслетов. Шрам уже находился за порогом хаты. Повернувшись к двери хребтом и просунув ладони в ячейки, приблизил замок наручников к вертухайскому ключу. Редко когда случается такое, что хочется подольше освободиться от кандалов.

Сук четверо. Распределились полукругом, чтоб не загораживать друг другу дорогу к цели. Все как на подбор дебелие, отожравшиеся, в каждом не менее восьмидесяти кило. Один, который подпирает шконку, что-то нычит за спиной. Скорее всего, вырубать будут сразу. Предупреждены, да и сами должны понимать, что не с фраером дело имеют, который не всечется, куда его приписали.

Хлопок двери за спиной оглушил. Давненько Шраму не приходил на руки такой мизер, поди сыграй. Слабы шансики выйти отсюда живым. Впору бросать карты, заявлять «пас» и соскакивать с игры, правда, навсегда.

Сергей опустил руки в карманы, приклеился горбиной к двери («ой, холодна, но сзади не зайдешь»), ошкерился.

– Вечер добрый, люди.

– Наше почтение, уважаемый, – с паточной любезностью пробухтел брюхатый мужик в зеленой майке, с волосатыми плечами. – Проходи.

– Да я ненадолго. Сейчас обратно поведут.

В камере, небольшой, как раз на число обитателей, домашняя температура и вполне свежо. Да и уютно, блин. Стены обклеены голыми бабами, холодильник, чайник «мулинековский», импортного вида фаянсовая параша, телек. Сукам, как и обычно на Руси, живется сахарно.

– Пока то сё, чаек погоняем, – общался брюхато-волосатый.

– Как я погляжу, вы сучьё позорное, – не снимая улыбку с лица, сказал Шрам. – Пидеры гнойные. Срать с вами в одном поле запахло.

– Зачем людей обижаешь, человек? – слова плел брюхатый. И только он. Значит, сигнал тоже должен подать именно он. – Нельзя так с людьми, не разобравшись, имен не спросив. Правду говорю, православные?

Вот оно. Поймал, просек, почуял Шрам выброшенный знак за вздох до начала, выдрал кулаки из карманов, да что ж ты тут всерьез поделаешь?! Но Шрам попытался поделаться.

Они ломанули одновременно со своих четырех стартовых позиций. Слаженно, в рифму, надрочено. И никакого легкомыслия, без намека на фраерскую браваду. Опытные, бляха...

Сергей сорвался с места вместе с ними. Регбийная тактика – кто кого пробьет. Шрам прорывался к столу. Там ножи, там чайник, возможно, с кипятком.

Шрам вбил кулак в голову вставшего на пути. Вмочил, вложив весь свой вес, не жалея костяшек. Попал, остановил, но с ног не сбил. И бросил себя к стене, чуя шкурой, что сзади и сбоку настигают. А между стеной и тем, кому достался кулак, можно прошмыгнуть к столу.

Но опытные, ох не фраера. Сзади кто-то на опережение вцепился в рубашку.

Скинул бы его Шрам или протащил за собой к столу. Стол – единственное его спасение. Да оказалось беспонтово.

В ихнем, сучьем, сценарии (не раз, думается, проверенном в натуре) главным был четвертый, отсвечивавший в начальной расстановке, подпирая шконку. Он тоже рыпнулся вме-

сте со всеми по сигналу в едином порыве, чтоб распылить внимание. Но, видать, попридержал ходули, а потом понесся наперерез. Эх, падлой быть, так они и штопают всегда: трое зацепляют терпилу в кольцо, отвлекают на себя, а последний подкрадывается. Его удар – центровой.

Просвистела черная кишка. И плечо враз онемело. Мало не показалось. Но ноздри по новой поймали запах резины. Резиновым шлангом, чем-то добавочно утяжеленным, на этот раз досталось по спине. А потом чья-то подсечка, повернувшая фотокарточку к потолку. Колено вонзается поддых. Тяжесть придавливает ноги к полу. И наконец шею опутало узкое и плотное, перекрывая дыхалку.

В легких запылала домна, огонь пожирал остатки воздуха, превращая легочную ткань в наждачную бумагу. В глазах смеркалось. Тело вспухало всеми мышцами и сухожилиями – но его умело держали прижатым к полу.

Шрам подергался, подергался и затих. Шрама протащили по полу и кинули спиной на стойки двухярусной шконки. Завернули хваталки за спину и, заведя за вертикальную трубу, соединяющую верхнюю и нижнюю койки, обмотали веревкой. Да, по сознанке кожи, именно капроновой веревкой, которой завязывают коробки на Восьмое марта в магазинах.

– Ну вот и амба, – брюхатый устало утер пот с хари, как после трудовой смены на рытье котлована, – Откукарекался петушок...

Шрам, кося под Тараса Бульбу с картинки школьного учебника, наклонился вперед, сколь позволяла веревка. Глубоко захлюпал ноздрями, приходя в себя. Он бы сполз на пол, да мешала стойка, в которую упирались обмотанные запястья.

Словно работяги, успешно справившие халтуру, обитатели пресс-хаты расселись за столом. Рыжий и самый молодой из ссучеенных зеков, откинув скатерть, свешивавшуюся почти до пола, подобрал с фанерной полки бутылку водки. Зашуршала отвинчиваемая пробка, горлышко застучало по краям сдвинутых в центре стаканов.

– Гляди-ка, Петрович, оклемаывается пахан, – сказал кто-то из четверки.

Брюхато-волосатый, оказавшийся Петровичем, шумно выдохнув после принятия, промямлил сквозь закусочное чавканье:

– Пущай. Ща послушаем его. Как теперь-то запоет наш соловей?

Сказано было почти добродушно. Не сильно обиделись суки на «пидеров гнойных». А ведь Шрам хотел обидеть, достать до селезенки. Глядишь, и допустили бы промашку. Но не допустили. Да и теперь не торопились отбивать почки и крошить зубы, приговаривая: «На кого хавкалку раскрыл, гнида, мы тебе покажем сучье и пидеров». Видать, этим мудакам «плюнь в глаза – все божья роса». Да и чего разминиваться на обидки, когда конкретно собрались мочить, враз и сочтутся.

Второй раз зажурчала водка, второй раз потянулись руки к центру стола.

– Нормальное пойло, в прошлый раз резче была. Говорю вам, и «Флагман» уже бадяжить стали. – Обсуждали за столом внешрамовские проблемы.

А Шрам наконец продышался. Выпрямился, прижавшись спиной к вертикальной трубке, затылок уперся в спинку верхнего яруса. И вообще оно бы все ништяк, кабы не бляхская веревка, не четверо жирных сук, не тюряга, у которой толстые стены и из этих стен тебя не собираются выпускать живым.

Вжикнуло колесико зажигалки, суки на отдыхе от водяры задымили сигаретами. Сигареты у всех сплошняком дорогие, с неоторванными вопреки правилам фильтрами.

– Шрам, значит, – вспомнил про прикрученного к шконке человека кряжистый мужик с вытатуированным на груди Медным всадником и с борцовскими, похожими на капустные листья ушами. – Помню, доходили базары за твои подвиги. Прогони нам, чего в тебе этакое крутого. Так поглядеть, нифига особенного. Да? – поискал он поддержку у собутельников. – Таких шрамов с улиц кучу нагрести можно.

– Закурить дайте, – сказал Сергей.

– Во борзый! – воскликнул самый рыжий и молодой.

Наоборот, подумал Шрам, совсем наоборот. Он крайне терпелив и вежлив с суками, и собирается вести себя примерно, не делать того, чего сейчас до боли хочется. А хочется сплюнуть на пол (нет ничего сволочнее, чем харкнуть на пол хаты, но то на пол хаты людской, а это сучья), хочется также расписать этим козлам по белому всю их позорность и что с ними следует сотворить.

– Чего ж не ругаешься? – поинтересовался упакованный в зеленую майку Петрович.

– А на хрена? – усмехнулся Шрам.

– Правильно, – брюхато-волосатый Петрович явно был у них за главного. И его благодущие, легко объясняемое на славу справленной работой и предвкушением мздыка, задавало тон остальным сукам.

Может, им даже вовсе запретили превращать жертву в синий и дырявый мешок с переломанными костями. Типа сострять самоубийство, привязав свободный от петли кончик ремешка к верхней перекладине второго яруса.

– Отнеси ему, Чубайс, – Петрович щелкнул ногтем по пачке «Парламента». – Пушай раскумарится.

Чубайс, то есть самый рыжий и молодой, выудил из пачки сигаретину и направился к пленнику.

– Я и от стакана не откажусь, – прикурив от протянутой Чубайсом зажигалки, произнес Сергей. – Все равно кончать будете.

– Будем, правильно понимаешь. – Петрович обвел взглядом своих подельников. – Хорошо держится мужик, мне нравится. Может, и не зря про него бакланили, что крутой. А касаето стакана... Получишь. Не торопись.

«И не собираюсь, – мысленно ответил Шрам. – Торопиться в мои планы уж точно не входит». Его игра на мизере предполагала время. Тогда у двери, покуда вертухаи расстегивали стальные запонки, он пробежался мыслью по карманам своих штанов и рубахи. Карманы болезненно страдали пустотой, но все ж таки на дне переднего брючного завалялись чиркаш и спички. Их он зажал в кулак. И не выпускал, не разжимал пальцы. Потому и боялся лишиться врубона, чтобы, выронив, не лишиться, так сказать, последнего патрона.

Тем временем Чубайс вернулся к столу и разлил в стаканы по новой. Брюхатый Петрович, с хитрецей взглянув на Сергея, отогнул скатерть и отыскал на фанерной полке стола еще один пузырь. Взглянул, прищурившись, сквозь бутылочное стекло на ламповый свет, поболтал содержимым.

– Эй, Шрам! Вот она, твоя касаточка. С этикеточкой «Тигода». Вся твоя, мы не претендуем.

– Заряженная, что ли? – спокойно поинтересовался Шрам. А говорить, придерживая зубами в углу рта сигарету, тяжело. И пепел осыпается на рубаху, некультурно.

– А как же иначе, браток! – Петрович нежно погладил бутылочный бок. – Теплая, правда, уж не сердись.

Похоже, Петрович из разряда мягких садистов. Покалякать с жертвой, с которой может, по собственному выбору, покончить прямо сейчас или еще какое-то время поиграться, ему в сладкое удовольствие.

– Чего он пристал, а?! – взорвался вдруг четвертый, до того распахивавший пасть лишь для принятия внутрь бухала и хавки. – С микрофоном, что ли, заслан?

Этот четвертый бесспорно был самым красивым из присутствующих, красивым реальной франкенштейновской красотой: квадратное с тяжелым подбородком лицо, кустистые, сросшие на переносице брови, низкий лоб нависает над глазными впадинами. Он,

кажется, обходился вовсе без шеи – голова утопала меж бугров вздернутых плеч. Про микрофон он двинул всерьез, чем насмешил остальных.

– Ты, Клещ, фильмов штатовских пересмотрел, – Петрович выудил из кармана треников грязный и мятый платок, смачно, с удовольствием высморкался. – Поговорить человеку охота, оттянуть неминуемую, надо ж понимать.

– Я достаю вторую? – привстав и уже шагнув к холодильнику, Чубайс обернулся к Петровичу за дозволением.

– Валяй! – дозволил Петрович.

– Между прочим, я у вас кой-чего спросить хочу. – Сергею молчать было не с руки. Чем больше звуков будет наполнять хату – тем лучше для спокойного протекания его плана. Точно так же – чем больше надымят в камере куревом, тем ему полезней.

Проверив надежно ли зажаты спичины в пальцах и не касаются ли серные головки кожи (может выступить пот и размочить серу), он подвел зажигательное наверхушки деревянной щепки к чиркашу.

Спичек четыре, ровно по числу сук, так уж совпало. Хватит ли?

– Ну, спрашивай, – милостиво разрешил Петрович. – Рад буду, если чем поможем.

– Да я тут всю мучаюсь-терзаюсь, ночами, понимаешь ли не сплю, отгадку ищу. (Чубайс рванул на себя ручку холодильника «Сибирь», Сергей пустил спичку по чиркашу – синхронно с громким чмоком резины, звоном содержимого «Сибири», чтоб вернее заглушить яростное шипение воспламеняющейся серы). Охота разобраться с одним темным делом. Клим Сибирский, слышали про такого?

– А-а, – понимающе протянул Петрович. – Вот что тебя, сердешного, растормошило.

– Бляха, Петрович! Беса он гонит или дуру лепит, верь мне! Не нравится это! – Клещ вскочил со своего места. Вскинул руки по-крабьи: вперед перед собой, навытяжку. Ручищи длинные, волосатые и, будто узлами, мышцами опутаны. Обычно подобных уродов природа награждает, словно извиняясь за остальное, недюжинной силищей.

Тем временем крохотное пламя спички опаливало веревочный капрон. Кожу пальцев и запястий обжигало, ох, пойдет потом волдырями. Но не приходилось особо заставлять себя терпеть – все болевые рефлексy, словно прочувствовав ситуацию, прикрутили свои фитили.

– Хватит орать, Клещ, – поморщился «с Медным всадником». – Целыми днями вопишь, достал.

Петрович махнул вилкой со шпротиной в сторону взрывного приятеля, мол, затухни, и продолжил беседу со Шрамом:

– И чего Сибирский? Допустим, слышали.

– Правильный был дедушка... – сказал Шрам. – Думаю, замочили старика Клима в этих местах. Есть такие подозрения. Прав я?

(Перехватываться не стал. Когда не осталось за что держать, приложил к капрону остывающий уголек, который миг, секунду, а то и две еще хранил жар и мог плавить волокна. Крошки сторовенной щепки осыпались вниз, на кровать. Заметить не должны. Эх, малы, малы хозяйственные спички. На их бы место сейчас каминные или трубочные, а того лучше зажигалку, а совсем замечательно финку и ствол).

– С чего тебя на подозрения-то развезло? – хитро прищурился Петрович. – Помер сердечник. Мотор прихватило и помер. Делов-то, а ты гришь «замочили».

– Мотору старика не в тюрьме ломаться. Тюрьма для Клима – дом родной.

– Так его в карцер определили, милосердие, – в игривом ключе возразил Петрович. – Карцер и здорового, и молодого сгубит, а тут старичок.

Затягивающийся треп был Шраму на руку. Он приготовил следующую спичку. А тут еще Чубайс включил магнитофон. Самому молодому и рыжему приспичило послушать

музон. «Ладком, славно ты это удумал, щенок, – похвалил Шрам, – в отличие от главного Чубайса не выключаешь, а включаешь».

– Оно так, да я тут с людьми пошептался, – продолжал говорить Шрам. – Впечатление такое, что Клим глубоко зарылся в местные дела, раскапывать стал, доискиваться. А вор он правильный был, беспредел и когда не по понятиям ой как не любил. Мог, выйдя из «Углов» правИло учинить.

(Вторая спичка не загорелась. Видать, серная нашлепка была с гульки хер, тихо пшикнула и тут же потухла. Теперь Шраму добавилось заботы: от той, что загорится, поджечь эту, с халтурной головкой).

– Ну, чего он прилип, а?! – опять не усиделось Клещу, опять он взвился. – Нечисто, Петрович. Давай кончать!

– Как «чего прилип»? – если кому и можно пробить спокойствие Петровича, то явно не Клещу. – А помнишь, как фраерок один, вроде бы и не шибко смелый, пристал, зная, что до финиша осталось одно движение руки. Дескать, чем у нас дубинка нафарширована, свинцом или оловом, вцепился, как... хе-хе... клещ, ответь ему и все тут, – видимо, от дурного влияния шибутного кореша Петрович решил дальше не играть в игру «а как ты пришел к такому выводу», – Лады. Раз тебя не отпускает твой Сибирский дедушка.

– Сами работали, – с гордостью сообщил Петрович. – Этот старый мухомор крепким дедком оказался. И хитрым. Вроде обшмонали его сверху донизу перед засадкой в карцер, знали, какого волчару обыскивают, а протащил паскуда лезвие. Половинку лезвия. Ромку прикончил. По шее полоснул. Как он при шмоне увернулся?

– Ну, это не велик фокус, ты Коперфильда из дедугана не лепи, – встрял в рассказ «с Медным всадником». – Слыхал, некоторые умудряются под кожу пятки засаживать, типа как карманчик там сооружают. Или за щекой лезвие держат, а когда вертухай лезет пальцами в рот, перебрасывают языком с места на место.

Неугомонный Клещ не дал о себе забыть.

– Он с какими-то людьми тут трендел за Сибирского. – И опять вскочил, вытянув порачьи руки. – Кто-то ему назвонил. Вызвать бы надо, а, Петрович? – И почти умоляюще. – Дай я его пощупаю. Он у меня запоем, а следов не будет, ты ж меня знаешь.

– Баб щупать уже приелось, Клещара? – это Чубайсу надоело слушать свой музон. – На мужиков потянуло?

– Ты за базаром следи! – взревел Клещ и махнул рукой перед носом самого рыжего и молодого, словно муху ловил на лету. – Я ж тебя шакала одним плевком...

– Ша! – одним возгласом прекратил свару Петрович.

(Есть! Огонь управился с капроном. Пути разошлись в одном месте и того достаточно, теперь ухватиться пальцами за свободный свесившийся кончик веревки и легко разматывается вся сучья запутка на запястьях. От маленькой своей победы Шрам отпустил поводья контроля. На миг. Спичка упала на кровать).

– Кстати, не мучился нисколько твой любимый дедуган, сразу отчалил от пристани.

– Не страшно, что когда-нибудь вскроется? Клим в уважухе по всей стране ходил. За него весь блатной мир на уши встанет, все до дна перевернет, а виноватых сыщет.

– А ты сам никого, что ли?.. – Петрович чиркнул себя ногтем по горлу. – Какая разница кого, за любого могут спросить. Так что не хрен мандражить, если не слабак.

Если б он оторвался от шконки резко, заставив вздрогнуть кроватные пружины... если б молнией рванулся к столу, взбаламутив звуковую ровность скрипом подошв, тяжелым дыханием... если б... То вышло бы, как... ну как выливаешь на себя ведро холодной воды и враз взбадриваешься. Так он вскинул бы сук со своих мест, враз взведя их боевые пружины.

Однако Шрам поступил в точности наоборот. Мягко, по-домашнему отлепился и неспешной, «само собой разумеющейся походкой» двинулся к столу. Ступая с ленивой развальной, словно вышел на променады.

У туповатого Клеща, первым с параша узревшего чудо, отвисла челюсть. Соображалка пока не включалась. Клещ по инерции продолжал срать.

Трезвому-то человеку переварить такое черное волшебство нелегко, а подразмякшему от жидкостей, вовсе непросто. А уж пьяному, да сидящему спиной к событиям – и говорить нечего. Спиной сидел Чубайс. Петрович (чем удивил) въехал в перемену позже, чем «с Медным всадником». Лицо сучьего пахана по-детски обиженно вытянулось, мостами укоризны изогнулись брови.

А вот татуированный лошадиным памятником вскочил не медля, опрокинув стул, и проворно схватил со стола кухонный нож, каким недавно нарезал ветчину. И даже заорал, пустив от испуга петуха: «Шухер!». Однако он сидел по дальнюю от Шрама сторону стола, ему еще надо было стол обойти.

В то время, как один хватал нож, другой застегивал штаны, не попадая пуговицами в петли, Петрович привставал, а Чубайс всего лишь сидя оборачивался, Шрам вышиб ногой табурет из-под самого рыжего и молодого. После дернул скатерть за край и накрыл тряпкой с красными цветочками шлепнувшегося на пол Чубайса. Предметы сучьего столового обихода посыпались сверху звенящим дождем.

Петровича в полуподъеме застали удары ногой по яйцам, а затем пальцем в глаз. Пахан охнул и вернулся на стул.

А теперь сюрприз, граждане суки! Шланг хоть и их любимая собственность, да Шрам-то видит, где он брошен. А им-то еще сообразить надо пьяными, оторопевшими мозгами, что есть поблизости такая штука и валяется она позади Петровича на полу у стены.

И теперь прыжок на стол и сверху резиновым членом «лошадиному памятнику» по балде. «Медный всадник» выставляет блок локтем, закрываясь от дубья и закрывая себе видимость. За что получает «найковским» носком под горло.

Прыжок вниз. Шрам рядом со «всадником». Неужели Шрамовы пальцы окажутся слабее?

Сергей перехватывает сучью клешню с зажатым в ней кухонным пером и выкручивает. Острие прижимается к груди «Медного всадника». Шрам бьет кулаком другой руки, в которой зажат шланг, по рукояти ножа. Годится. Оставляем.

Опять на стол, боком. И перевалиться на другую сторону, уходя от набегающего от параша Клеща.

Перевалился, спрыгнул рядом с Чубайсом, который откинул с головы скатерть, но с пола еще не поднялся, не успел. Не успеет.

Два коротких взмаха, два сильных кистевых, как топором дрова, удара дубинкой. По голове и плечу. Хватит пока, Чубайс выключен на время и ладно. На очереди снова Петрович.

Нырок к полке стола, куда отправлены были пустые «Флагманы». Шланг покуда в левую руку, бутылку в правую. И об угол стола, превращая в «розочку».

Оставалось только выкинуть руку, потому что зеленая майка, удерживающая тряское брюхо сучьего пахана накатывалась на Серегу Шрамова. Серега сочным, по каратешному резким выпадом всадил зазубренное бутылочное стекло в заплывшее жиром горло Петровича. В бульканье и хрипе грузный пахан рухнул на бок.

«Медный всадник» стонал, сидя на корточках, привалившись к стене. Он вытащил нож и зажимал рану на груди. Его пальцы и футболка заливала толчками выплескивающаяся из раны кровь.

А Клещ выходил на Шрама. Клещ не прихватил по пути ни ножа, ни табуретную ножку, ни прочих предметов. Он ставил на длинные узловатые руки и на силу, не раз проверенную в деле.

Шрам не стал уповать на «розочку», не поможет, он отбросил ее подальше, за шконки. И сам начал отступать туда же, к шконкам.

– Вставай! – Клещ пихнул локтем в бок Чубайса, который впрочем уже поднялся, но в герои заметно не торопился.

Шланг Шрам вернул правой руке. Кондовая штука этот шланг, факт, вот пусть и Клещ так думает. Помогая думам в этот направлении, Сергей принялся накручивать резиновой кишкой что-то типа восьмерок.

Вы будете смеяться, но он вновь уткнулся спиной в железные трубки. Еще привязать самого себя оставалось.

И тогда Шрам метнул раскрученный шланг в лицо Клещу, пущай отбивает, вратарь. А теперь руками за верхнюю перекладину шконки. Рывком выдернуть себя наверх.

Подошвы находят опору в торце верхнего яруса. Толкнуться как можно мощнее и всей тяжестью на Клеща. На плечи ему, на голову, валить на пол.

И Клещ не устоял. Не преодолел, пидарюга, законы физики, всякие там рычаги и центры тяжести. Завалился, сука, на спину. И теперь Шрам хрен тебя не отпустит.

Локтем сверху в зубы. Пальцем в глаз, выдавливая его.

И дальше добивать, добивать. Кулаком правой ударной руки. Кулак с хрустом ломает переносицу, кулак сворачивает мощную челюсть, кулак вгоняет кадык в глотку... Ага!

Пронырливый Чубайс, про которого никто и не думал забывать, схватил ничейный шланг и замахнулся им, витязь, блин.

Шрам был в заводе. И уж не Чубайсу остановить.

Бросив Клеща, Шрам поднырнул под руку с дубиной, удачно захватил рыжего под мышку и за пояс, поднял, крутанул мельницей и швырнул на пол. Вышло что-то из самбо, которым Шрам никогда не занимался. Зато занимался мордобоями и мог спорить на что угодно, что в течение пяти минут Чубайс будет плавать в ауте.

А Клещ с вытекающим глазом, с проломленным носом и сотрясенным черепом этот громила поднялся и, отплеывая кровавую слюну, попер на Шрама.

И не хрен там выдумывать! Таких многопудовых говнюков – а в этом мешке дерьма не меньше сотни кило – надо валить на землю, потому как падают они чувствительно для себя и долго поднимаются, или изводить бегом.

Шрам бросился в ноги. Плечом врезался в голени, вышибая Клещову подпору в виде ходуль.

Клещ рухнул хлебалом вниз, но выставил-таки ладони, смягчая падение. Сергей не дал ему ни подняться, ни перевернуться. Навалился сверху, опутал рукой горло. Все, чем наградила матушка-природа Серегу Шрамова и что он приумножил за годы, вложил в этот захват. Клещ извивался червем, катался по полу, пытался отцепить руку. Какое-то родео, твою мать! Когда ж этот ублюдок сдохнет!

Сергей еще долго не отпускал шею громилы, затихшего после агонических изгибов позвоночника и молотбы руками по полу. Сергей долго не верил, что все закончилось. Но закончилось.

В сучьей хате уж не наблюдалось бывшего порядка. Везде разбросаны вещи и люди. Да нет, какие там люди... Суки.

Шрам пошел к столу, забрал с фанерной полки водочную бутылку. Опустившись на пол возле хрипящего и заливающегося кровью «Медного всадника», чье погоняло и имечко по паспорту теперь поди и не узнаешь никогда, Шрам откупорил бутылку с этикеткой «Тигоды». Той самой, что предназначалась ему, Шрамову,

– На, попей, – сжал челюсть суки пальцами и вставил в приоткрывшийся рот бутылочное горлышко. Влив граммов сто, Сергей закрутил пробку. Сука открыл глаза, вроде попытался что-то прошептать, но изо рта хлынула белая пена, лицо скрючила судорога. Дернулись, как ток пустили, руки и ноги и – все.

– Вот как оно действует, – вырвалось из Шрама. Покачиваясь («бляха-муха, словно марафон пробежал»), Сергей направился к последнему живому обитателю сучьей хаты. По пути в складках скатерти отрыв сикареты и зажигалку.

Подтащив чувака по кликухе Чубайс к шконке, прислонив к ним, Сергей связал ему руки бывшей своей веревкой. Пристроился возле и закурил.

Пока курил, Чубайс очухался.

– Знаешь такой стишок? – сказал ему Сергей вместо приветствия. – Я и сам не помню, где и от кого услыхал. Оцени.

*Дети в лесу повстречали Чубайса
И в рассыпную под крик «Разбегайся!».
Но поскользнулся один на сопле.
И долго над этим смеялись в Кремле.*

Ложный Чубайс нервно и заискивающе хихикнул.

– Давай, чеши языком, трави басни, вываливай до кучи все, чего знаешь. – Выпить Сергею хотелось до слюны по подбородку. Но «Тигоду» нельзя, доктора не велят. И другие марки, которые могут стоять – почему нет? – в холодильнике, тоже нельзя. Ведь и о завтрашнем дне подумать надо.

– О чем? – голос самого рыжего и молодого заметно утончился против прежнего, каким отмачивал шутки и спрашивал «тащить ли вторую бутылку».

– О жизни вашей сучьей. Кто задачи ставит, с кем дело имели и прочее.

– Вы меня не убьете? – и всхлипнул.

И на «вы» обращаться начал, что, конечно, трогает душу подлинного интеллигента Сереги.

– Если заслужишь интересными историями, может, и не убью, – в общем-то, приукрасил реальность Шрам. Приговор Чубайсу был уже подписан, а мораторий на смертную казнь в сучьей хате Сергей вводить не собирался. Придется и рыжему испить напитка «Тигода-плюс».

«Ну все, мудозвоны, – Шрам почувствовал, как со дна души мутным илом поднимается злоба, злоба не сиюминутная, а основательная, – довели! Хоре гадать, убьют-не убьют, как меня замочат, кто, где и чем. Потому что тогда точно замочат. И не сямка я, чтоб ждать и дрожать. Надо разворошить этот гадюшник. Добраться до падлы, которая заправляет этим беспределом. А „угловые“ отцы теперь, после Клима, по любому выходят вне закона. Ссучились по самую крышку, на разборе моя правда будет. Конечно, дожить еще надо до разбора»...

Ну, это на завтра. А на сегодня хватило уж маеты. Выслушать этого, а потом – в люлю. Сегодняшней ночью можно себе позволить и поспать. В камере не останется посторонних. А дверной лязг он услышит. Обязательно услышит...

Глава четвертая. Несознанка

*Я пишу тебе, голубоглазая,
Может быть, последнее письмо.
Никому о нем ты не рассказывай —
Для тебя написано оно.
Суд идет, и наш процесс кончается,
И судья выносит приговор,
Но чему-то глупо улыбается
Старый ярославский прокурор.
И защита тоже улыбается,
Даже улыбается конвой.
Сышу: приговор наш отменяется,
Заменяют мне расстрел тюрьмой.*

1

— Значит, ничего не слышали?

— Да, сплю как убитый, хоть из пушки над ухом пали. Вы ж, наверное, в курсах про такие случаи?

— Доводилось, голубчик. Про что я только не слышал, с чем только не сталкивался... — заодно из небольшой общей горки разноцветных пилюль доктор брал по таблетке. Пристально разглядывал каждую и отправлял в одну из пяти одноцветных кучек поменьше, — Вот только перед вами один комедиант под Басаева шизу косил, бедлам устроил, банки с таблетками переколошматил. Эх, в старые добрые годы косили под Гагарина, на худой конец под Наполеона. А теперь сплошь пошли террористы: Хаттабы, Че Гевары, Жириновские...

Шрама отправили на принудительный осмотр. Осмотр уже отмучили, Шрам как раз одевался.

Не всплыло ни следов отравления, ни последствий, как выразился лепила, алкогольной интоксикации, ни серьезных травм. Пришлось, правда, отмазывать происхождение несерьезных. Он залечил ботвой еще рано утром сбежавшееся вертухайское начальство, а доктору лишь повторил на бис.

Волдыри-ожеги? Это еще до последней, злополучной камеры с братвой забился, вытерплю или не вытерплю адскую боль. Тоска беспредельная же, развлекаемся как можем, ну глупо иногда оттягиваемся, да что с нас горемычных возьмешь? Синяки? Куску, который доставлял в камеру, не прикинулось, как я иду. Медленно, дескать, шаг неширокий. Вот и упражнял на мне мышцу. Вы у него спросите, он по жизни садист или всего лишь плохое свое настроение вымещал? Кулак, говорите, сбит? Так все оттого же. Прапор на стену толкнул, я неудачно выставил кулак и чиркнул его о бетон.

А про все остальное нечего сказать. Привели. Огляделся, вижу люди водяру глушат за столом. Еще удивился, откуда в такой приличной тюрьме водяра? Кстати, вот чем бы вам поинтересоваться, откуда у них пойло, да еще и не один пузырь? Что же это такое творится в правоохранительной системе!? Ну, улегся спать. Мне это надо, зависать в пьяном разгуле? Карцером же пахнет, я ж себе не враг. Заснул. Сплю я мертвецким сном, организм такой дурной. Продрал болты утром, надзиратели разбудили. Вместе с ними и поразился натурально чудовищной картине.

Рассказец — не подкопаешься. А подкапываться будут. Прямо сейчас из медчасти, небось, поволокут на обстоятельный допрос. Ну да следакам тоже вилы выставлены: на лицо

злоупотребления, водочка в пузах у всех терпил булькает. Так если бы еще все скопытились от телесных повреждений, а ведь некто по кличке Чубайс помер исключительно от принятия внутрь недоброкачественного алкоголя.

Легко складывается версия, что по пьяни арестантики передрались-перерезались, верх взял некто Чубайс, потом ткнул за упокой корешей водочки. Да та – вот подстава – случилась на цианистом спирту фальсифицированная. Откуда взялась – опять же кому, кому, а не подследственному Шрамову давать ответы на эти вопросы. Дрых, пока не выпался подследственный Шрамов, вот и весь сказ.

Шрам, заправляя рубаху в штаны, нарочито жалостливо оглядел медкабинет.

– Не густо у вас с пилюлями, я посмотрю.

– Не то слово, – вздохнул изоляторский «айболит». – Прямо беда. Вы не поверите, но даже простого йоду не хватает. – лепила был – почти доктор Айболит, – Это у меня, кажется, парацетомол, – отложил он в маленькую кучку из большой следующую таблетку.

– А если частное лицо пожелает оказать безвозмездную помощь?

Шрам застегнул рубаху и в общем-то его можно было выводить, но вопросом заключенный, похоже, сумел зацепить доктора.

Смотровая тюремного лазарета вряд ли своим видом могла излечивать депрессию. Скорее уж усугублять. Позабывшие о малярной кисти, некогда белые стены. Шар плафона над головой позорился щербиной, типа как у Царь-пушки. На окнах напоминали о блокадных годах заклеенные бумагой трещины. Там, где встречается эмаль, там встречались и отколы на эмали. Шкафчики со стеклянными дверцами и полками были заставлены, главным образом, стаканчиками с палочками для заглядывания в горло и рулонами ваты. Допотопные, знакомые по школьным медкабинетам, шприцы выглядели стертой градуировкой из ванночки для кипячения.

Воняло, как и положено, какими-то карболками. А у лепилы были хорошие голубые глаза. Он носил усы и бакенбарды.

– Простите, а в каком виде частное лицо пожелает оказать помощь? – он был высок и поджар. Как-то сразу чувствовалась в нем забота о своем здоровье, пробежки, эспандеры, правильное питание. Трудно, правда, было распознать его возраст, где-то от сорока до пятидесяти с гаком. Но вот что точно его не красило, так это застиранный халат.

– Допустим, от юридического лица некой солидной организации – да вот хотя бы от трудящихся нефтеперерабатывающего комбината, почему нет? – подкатит машина с гуманитарной помощью. А в ней коробки с порошками и пилюлями самой важной необходимости.

В дверь сунулось небритое санитарское мурло:

– Александр Станиславович, тут один у меня назубок симптомы ранней стадии проказы перечисляет.

– Ну дайте ему что-нибудь, – доктор порывался в кучке разнокалиберных таблеток, – Это вроде бы глюканат кальция. Дайте ему глюканат кальция, – не вставая, угостил лекарь санитаря, подождал, пока тот сроет, – Вот вы улыбаетесь, а мне на этого больного даже лень смотреть. Ну откуда в наших широтах проказа? О, это, кажется, трихопол! – доктор наткнулся в своих изысканиях на крупную жемчужину и откатил в сторонку, – Как и на все, на симптомы хворей есть своя мода. Раньше нитку в кале вымочат, проденут сквозь кожу, и в результате приличное загноение. А теперь каждый второй кричит «Доктор, у меня тропическая лихорадка!». Я знаю, что лучшее средство от таких симптомов – карцер. Но зачем? В этом мире и так много зла.

И такая у лепилы благодатная рожа сделалась, что Шрам сразу захотел спросить, сколько доктор берет за койко-день в лазарете. А уж в том, что доктор стришет копейку за всякие там веселящие микстуры, у Сереги не осталось сомнений даже на донышке селезенки.

– Так как насчет помощи от трудящихся?

– Весьма любопытно. – лепила, сложив руки на груди и чуть наклонив думалку набок, внимательно вглядывался в утреннего пациента. – Весьма. Я так скажу, нечего строить из себя гордых аристократов, нищему не пристало отказываться от милостыни.

Лепила, поигрывая хоботом стетоскопа, подошел к одному из шкафчиков, растворил его.

– Видите, – в длинных тонких пальцах распахнулась картонная коробка, обнажая дно с одинокой нетолстой пачкой таблеточных упаковок, стянутых черной резинкой. – Повсе-дневно необходимый анальгин. Его запасы на весь следственный изолятор. Так что, голубчик, чтобы ни прислало сердобольное частное лицо, всему будем рады. Разве ваты не нужно, ваты хватает.

– Это за рекорды в области медицины?

На полке прижатые к боковой стенке шкафа подставкой для пробирок и повернутые на бок лежали дипломы. Били по глазам красные и синие цвета, выпуклость герба, печати и размашистые подписи.

– Что? Ах, это... – доктор проследил, на что указывает палец пациента. – Нет, нет, это мое. За стрельбу. Защищаю честь нашего исправительного учреждения на ежегодных соревнованиях. Убрать в рамочки и повесить на стены – как-то не того... неудобно, понимаете. Вот и лежат.

Хлопнула створка, звякнули стекла шкафчика, щелкнул, запирая дверцы, замок.

– А вы, доктор, прямо сейчас накидайте списочек того, что до зарезу требуется, – под-стегнул Сергей.

– Даже так? – искренне растащился доктор. – Премного любопытно. Ну что ж...

Лепила бросил взгляд на надзирателя. Полусонный дубак сидел на стуле у двери. И сразу было заметно, что тому по барабану – сейчас, часом позже, минутой раньше забирать и конвоировать заключенного. Служба идет, смена движется.

– Раз можно уже завтра помочь людям, – медработник быстро прошел к столу, сел и без проволочек начал споро заполнять оборотную сторону рецептурного бланка.

Лепила располагал к себе. Не корчил светило, не быковал, не воротил нос, типа, ты – уголовная мразь, буду я с тобой разговаривать, пшел отсель.

Хотя, окончательно уверился Шрам, конечно, тоже по уши замазан, типа лекарства налево толкает и марафет зекам отгружает. И что уж точно на нем – списывать, когда про-сят, неприятных жмуриков на несчастные случаи и летальные исходы неизлечимых болезней. Иначе во «Вторых крестах» не припочковаться было бы.

– Разберете почерк медика?

– Разберут, – пообещал Шрам...

2

Серегу воротили в карцер. За спиной щелкнули отомкнутые браслетики – руки стали свободны. Рыкнула на кого-то в коридоре цепная псина. Теперь, пока его колбасят допросами, он «в почете», без псины не провожают. Четыре жмура мечтают следаки приплюсовать к безвременно срулившему на заупокой Филипсу.

Сергей сделал шаг вперед, потирая запястья. Провел ладонью по шершавой влажной стене. Ну, чисто шкура крокодила Гены. Потом Сергей Шрамов прижался лбом к холодной стене. Пока хорошо, как в пруду после баньки. Пока – потому что и из пруда не вынырнешь без труда.

Банька, пруд, водочка, печки-речки... Сергей вспомнил, и не вдруг, о своей матери. Правда, думки такие накатывали обычно под водку. Ведь не попрощался с ней по-человечески. Ушла мать, когда сын единственный отбывал на зоне. И хотя не за душегубство и не по позорной статье угодил сын за решетку, да и не редкость на Руси арестант в семье, но мать-то переживала сердцем. И это тоже раньше времени свело ее в могилу. И никакой уход за могилой (а Сергей нанял человека, чтоб следил, убирал, подкрашивал), не смоем ту вину. Тем более сам Сергей всего лишь раз после смерти матери выбрался в родные места.

Охладил лоб, остудил себя и оторвался от стены.

Образумить задумали. Перевоспитатели, бляха-муха. Только благодарность выносить за такое перевоспитание. К тому ж жирком он начал обрастать в последнее время. И вроде бы на тренажеры ходит, не меньше раза в неделю меряет гребками бассейн, а машина, жрачка от пуза, диваны-рестораны потихоньку сказываются. Конечно, кто спорит, «порево и жорево – это очень здорово», но жир на мясе совсем ни к чему. И вот прикатило счастье сбросить лишок.

Сергей упер пальцы в шероховатости стены и попытался столкнуть стену с места. Хорошее упражнение, чтоб напрячь всю телесную мышцу. Вдобавок не исходить же ознобной трясучкой.

Сергей поотжимался от стены до усталости. Потом перевел дух.

Ну чего, дух переведен, вперед. Отрабатывать бой с «тенью». Работать ногами только придется аккуратно, забрызгаться неохота. Значит, двигаться и думать. Думать, кто же подставил.

И Сергей думал. Но чем больше думал, тем еще больше все перепутывалось.

Тут без дополнительных колокольчиков с воли не обойдешься. Одно ясно, как не прикидывай и так и сяк. Ясно – его засадили, чтоб по-тихому списать на тот свет.

А пуд тротила под мышку вместо градусника не хотите, а не Шрама списать? Сергей с выдохом нанес «тени» ладонью поддых, будто это и есть главный враг, задвинувший Серегу во «Вторые кресты».

А Сергею в карцере понравилось, это он удачно попал – здесь точно не загасят. Некому. Лампа на двухметровой высоте потолке ваттов на пятьсот, закроешь глаза, отвернешься – один хрен продирает сквозь веки. Если только накрыть зеньки пятернями или тряпкой, да не больно-то и накроешь. Потому как незачем. Все прокоцано, чтоб карцер раем не казался. Лежанка прикована к стене на амбарный замок, на полу тихо плещется вода – голубая лента, глубиной на два пальца, до верха-то подошвы не достает, а не сядешь и не ляжешь. И студняк скулы морским узлом сводит. Ничто не нагревает каменные стены, зато они отсасывают последнее тепло. Короче, карцер – то, что сегодня и нужно. Бодрость духа гарантирована, как после виагры.

Можно хоть раз в жизни спокойно пораскинуть мозгами, откуда на его бедовую головушку свалилась пышная подляна.

Он возвращался с таможни. Где улаживал недоразумения, на настоящее и на будущее. Уровень улаживания заставил его лично прокатиться в Питер. За деловой теркой приговорили флакон. Что-нибудь изменилось бы, не булькай в башне те стаканы? Может быть.

Колеса джипа ощупывали шинами трассу. Еще тема для мозголомки – отслеживали ли его отъезд? Похоже, что да. Он мог бы выехать часом раньше. Или позже. Но стартовал именно в двадцать ноль пять. Он отвечает за точность до минуты, есть у него такой обычай – делать отсечки времени, когда день перелаывается каким-нибудь новым событием. «Рол-лекс» он повернул к себе циферблатом, когда садился в машину. И что, скажете, случайно он прибыл на место точь-в-точь, когда ИМ было надо? Кому им? Ну, это мы разберемся!

До Виршей монотонность пути была нарушена единственный раз. Мобильник пропиликал мелодию одного из хитов Мадонны...

Глава пятая. Свои

*Маруся едет в поезде почтовом,
И вот она у лагерных ворот.
А в это время зорькою бубновой
Идет веселый лагерный развод.*

1

Адвокат Лев Арнольдович Бескутин ценил себя высоко и брал за свои услуги еще больше. А стоил и того выше. Сергею несколько раз выпадал пасьянс оценить адвокатские способности шестидесятилетнего еврея с внешностью плюшевого медведя и с вечной бабочкой на кремового цвета рубашке. Бескутин обладал вьедливостью клопа и вполне достойным актерским талантом. Еще он был знаком в пятилимонном городе со всеми, кто хоть как-то мог пригодиться в адвокатской практике. Про то, что он наизусть, как китайский коммунист труды Мао, знал все законы и подзаконы, и упоминать не следовало бы.

Лев Арнольдович без труда добился встречи с подзащитным на третий день после заключения того в «Малые кресты», не дал даже как следует в пердильнике оттянуться. И много чего еще успел до встречи.

– Нам с вами, Сергей Владимирович, предстоит долгая беседа, – Лев Арнольдович сидел напротив своего нынешнего подзащитного, убрав ноги далеко под стул, и почему-то не спешил раскрывать утвержденный на коленях пухлый портфель «а-ля Жванецкий». – Как вам угодно будет ее провести, до или после встречи с Ниной Павловной?

– Нинка здесь?! – дернулся Сергей. Получилось так громко, что Лев Арнольдович поморщился.

– Да, она здесь. В соседней комнате. – брезгливо повел шеей адвокат.

«Ах, вот для каких бразильских сериалов он ее притащил, – догнал Сергей. – Старый жук уверен, что если у Нинки мордаха в пуху, то я это из нее вытяну. И нам с ним конкретно легче будет разбирать мои запутки».

– Пожалуй, я сперва поздравляюсь с Нинкой.

– Замечательно, Сергей Владимирович. Но я, увы, вынужден сообщить, что невозможно в сложившихся обстоятельствах организовать такую встречу на законных основаниях, то есть бесплатно. Вы понимаете? Требуемая сумма у меня с собой, – он похлопал по портфелю, – но...

– Базара нет. Как только у меня в руках окажется труба...

– Замечательно. – Адвокат Бескутин вскочил со стула с детской порывистостью. – У вас с Ниной Владимировной в распоряжении час. И не волнуйтесь, – Лев Арнольдович позволил себе, обернувшись от двери, некую игривость в голосе, – Никто вас в течение этого часа не побеспокоит.

Пять минут, что он прождал Нинку в наматывании кругов по комнате три на четыре метра, огибая обшарпанный стол и два стула школьного образца и школьной же потрепанности, тянулись, мать его, гораздо дольше положенного.

Нинка просочилась в тихо приоткрытую дверь как-то робко и виновато. Ее появление застало Сергея у дальней стены. Он ломанул ей навстречу. Нина аккуратно затворила дверь, будто боялась напугать кого-то хлопком. Сделала два шага от входа. И ее подхватил Сергей. Сгреб в охапку. Вжал ее тело в свое, сдавил ручищами.

На пол свалился какой-то полиэтиленовый пакет. Потом отлетела, отброшенная взмахом руки в белом плаще, крохотная черная сумочка с золоченной застежкой.

У них получился не поцелуй, а поедание губ. И в четыре руки они торопливо проталкивали, вырывали пуговицы из петель ее плаща. Белая ткань упала на пол за ее спину скомканной простыней. Ее пальцы вырвали его рубашку из брюк. Его руки задрали черную юбку и заходили по колготкам, нагревая себя и ткань. Ладони пронеслись по ягодицам, бедрам, между ног, по животу. Два взмаха ножек и две туфли отпрыгивают куда-то прочь. А его пальцы ринулись к колготочной резинке.

— Подожди, миленький, я быстро сама, — она опередила его пальцы и принялась стаскивать колготки, выдираться из них. И бормотала. — Надо было чулки... Я не думала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.